

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.В. Лапкин

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Москва
ИМЭМО РАН
2012

УДК 321(470)
ББК 66.3(2Рос)1
Лапк 242

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Лапк 242

Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Научная монография. М., ИМЭМО РАН, 2012. – с. 140.
ISBN 978-5-9535-0346-4

В монографии исследуется политическая трансформация России в длительной исторической перспективе и в контексте глобальной политико-институциональной динамики Нового времени. Особое внимание уделено изучению характера и природы динамических противоречий этой трансформации, концептуализации особых исторических форм российской модернизации, ставших воплощением своего рода «ответа» российской социетальной и политической системы на модернизационные вызовы Запада. Основные проблемные узлы исследования – процессы демонтажа основ и принципов традиционного социально-политического строя и последующие усилия по формированию *субъекта модернизации*, способного открыть стране перспективу современного общества. Книга предназначена исследователям, специализирующимся в области политической истории России и изучения российской модернизации, практикам сферы государственного управления и общественного сектора, преподавателям и студентам вузов, интересующимся тенденциями современного политического развития России и мира.

V.V. Lapkin. Political Modernization of Russia in Global Changes Context. The book is dedicated to the study of the political transformation of Russia in a long-term historic retrospective, focusing on the contemporary global trends of political and social change. Special attention is paid to the dynamic nature of the arising contradictions and to the conceptualization of the specific historic forms of Russian modernization as an embodiment of the Russian social and political system's «reply» to the modernizing challenges of the West. The processes of deconstruction of the traditional social and political order and further efforts aiming to form the driving forces of Russian modernization are the principal problem knots in the conceptual framework of the study. The paper is addressed to researchers in contemporary politics, sociologists, experts in international relations and political development, students and teachers of social sciences.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0346-4

© ИМЭМО РАН, 2012
© В.В. Лапкин, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Введение. Постановка исследовательской задачи</u>	5
<u>Глава 1. Проблемный контекст исследования</u>	10
1. Общество и Человек. Диалектика взаимообусловленного сосуществования. Феномен социального отчуждения	11
2. Мир капитализма и эволюция систем накопления	23
3. Формы концептуализации капиталистической экспансии: категории модернизации и универсальной цивилизации	30
4. Цивилизация, культура и идентичность как дифференцирующие факторы модернизации	39
5. Глобализация и кризис проекта Модернити: государство, общество, личность	44
<u>Глава 2. Проблемы исследования политической динамики</u>	52
1. Проблема концептуализации политических изменений	55
2. Ресурсы, динамика и кризисы развития. Проблемы нелинейности развития и циклы развития сложных систем	60
3. Глобальная политическая динамика как исследовательская проблема	65
<u>Глава 3. Концептуализация процессов политической модернизации государств незападного социокультурного ареала</u>	69
1. Модернизация в контексте глобального развития: социальный феномен, когнитивная модель, политический императив	70
2. Политическая модернизация как многоаспектная проблема (социокультурная, цивилизационная, институциональная)	73
3. Актуализация исследования политической модернизации: условия, предпосылки, ограничения, смысловые реинтерпретации	76
<u>Глава 4. Российская политическая модернизация как предмет концептуализации</u>	79
1. Пространственно-временной аспект российской политики. Диалектика внутренних и внешних факторов российской модернизации	82
2. Функциональные и структурно-эволюционные основания периодизации российской модернизации	88
3. Применение структурно-циклического моделирования к анализу процессов российской модернизации	99
<u>Глава 5. Особенности и исторические задачи «завершающего» периода российской модернизации</u>	106
1. Кризис парадигмы «безбуржуазной модернизации». Проблемы и противоречия развития, «накопленные» Россией к концу XX в.	109
2. Процессы модернизации в постсоветский период	118
3. Дилеммы «современного развития» в контексте глобальных вызовов начала XXI в. Альтернативы «российского ответа»	128
<u>Заключение</u> Перспективы развития в современном обществе отчуждения	134

ВВЕДЕНИЕ

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Российская политическая история XX в. остается для изучающих ее своеобразным *камнем преткновения*. Изобилие фактов сочетается здесь с поражающей воображение разнголосоцией подходов к пониманию причин, существа и фундаментальных последствий произошедшего. Причем в основе этой разнголосоции обнаруживаются скорее идеологические пристрастия исследователя, нежели концептуальная целостность и глубина. Особенно это касается теоретического осмысления и встраивания в целостную понятийную систему современной науки об обществе и происходящих в нем изменениях всего комплекса наших знаний о том «невиданном в истории человечества эксперименте», который «в XX в. Россия осуществила над собой и некоторыми сопредельными странами...».¹ Вместе с тем в последние годы вполне отчетливо обозначились основные направления перспективных исследовательских усилий в рамках данной предметной области: (1) системное и междисциплинарное по своему потенциалу изучение глобальных процессов и, на этой основе, прояснение места и перспектив российского общества и государства в современном мировом эволюционном процессе; (2) переосмысление – с учетом российского опыта – проблемы модернизации обществ незападного цивилизационного ареала, изучение эффектов вестернизации и индустриализации на ход и результаты модернизационных процессов; (3) более глубокий анализ как самого феномена, так и природы социально-политических изменений, эффектов нелинейности развития и его ресурсных ограничений; (4) преодоление неадекватности традиционных методологических подходов к исследованию социальной и политической динамики, эволюционного усложнения структур политического.

Объектом настоящего исследования избрана взятая в достаточно длительной исторической перспективе политическая трансформация России в контексте глобальной политико-институциональной динамики, сопряженной со структурно-нормативными изменениями миропорядка. Особое внимание при этом уделялось изучению специфических форм политической эволюции России в условиях внешнего модернизационного вызова. Взятые во взаимосвязи темпоральный и структурно-функциональный аспекты политической трансформации российского общества позволили сосредоточить исследовательское внимание на характере и природе динамических противоречий этой трансформации, обеспечивающих на всем протяжении рассматриваемого периода устойчивое воспроизводство структурной и системной целостности российского общественно-государственного комплекса.

В ходе исследования предпринята попытка концептуализации особых исторических форм российской модернизации, сложившихся в результате столкновения динамичной российской социетальной системы, основанной на принципах самовластья, с модернизационными вызовами Запада. Основными проблемными узлами разрабатываемой концепции стали, соответственно, демонтаж основ и принципов традиционного социально-политического строя и последующие усилия по формированию *субъекта модернизации*, способного

¹ Глебова И.И. К вопросу о россиеведении // Труды по россиеведению: Сб. научн. тр. / Гл. ред. И.И.Глебова. М.: РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. 2009, вып. 1. С. 9.

реализовать созидательную работу, открыть стране перспективу современного общества и соответствующей ему политической системы.

Особое внимание к **глобальному** – в исторической перспективе – **контексту исследования** российской модернизации представляется принципиально значимым. Феномен российской трансформации, по глубокому убеждению автора, невозможно рассматривать, ограничиваясь «страновым» приближением, упуская из виду контекст мировой динамики, цивилизационного, геополитического, мир-системного² окружения России, изначально и до настоящего времени остающийся принципиально важным фактором ее социально-политического движения. К тому же более пристальное внимание к происходящим на наших глазах глубоким структурным изменениям миропорядка может предоставить новые неожиданные возможности понимания драматических коллизий отечественной истории и ее вероятных перспектив. Равно как и выявить средства разрешения фундаментальной проблемы российского развития: преодоления институциональной инерции, обусловленной по-прежнему воспроизводящейся в присущих ей практиках целеполагания нерасчлененностью власти и собственности. Разрешения – путем формирования более эффективных, сложно организованных, дифференцированных институтов и практик современного общества.

Динамика российской политической истории последних веков в решающей степени обусловлена последовательно возрастающей интеграцией России в западноевропейскую (ныне – глобальную) политико-экономическую систему (в систему мирового рынка, в широком понимании этого слова, или в мир-экономику, если воспользоваться терминологией мир-системного анализа³). Вместе с тем, эта интеграция, неотвратимая и, по сути, неизбежная, сопрягалась для России с целым рядом проблем и затруднений, которые со времени ее вступления в фазу индустриализации (конец XIX – начало XX вв.) приобрели катастрофический характер. Прогресс вестернизации для нее оказался чреват – по целому ряду важнейших направлений, в первую очередь в сферах культуры и быта, – критическим замедлением развития, отставанием от «графика преобразований», происходящих в окружающем ее мире.

«Долгий XX век» (если воспользоваться аналогией с известной метафорой Ф.Броделя, подхваченной и развитой И.Валлерстайном и Дж.Арриги⁴), для России еще продолжается. Характерная для него «повестка дня», воспринятая и в целом успешно реализованная всеми вступившими в него в свое время «великими державами» (и даже условными претендентами на эту роль, к примеру, Японией), для России во многих важнейших ее пунктах и сегодня все еще сохраняет актуальность насущной, но чрезвычайно трудноразрешимой задачи. Таковы, например, проблемы формирования социального государства

² См., например, Wallerstein I.M. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press. 2004; Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.Y.: Verso. 1989; Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008.

³ Терминология мир-системного анализа представляется нам применительно к данному случаю наиболее адекватной.

⁴ См.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 2007; Wallerstein I.M. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press. 2004; Wallerstein I. The Modern World-Systems. 3 vols. N.Y.: Academic Press. 1980; Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy in the Sixteenth Century. L.: Academic Press. 1974.

и рациональной государственной администрации, пронизывающей и консолидирующей общество рыночной инфраструктуры и эффективных универсальных правовых оснований частной собственности, профсоюзного движения, представляющего интересы и воплощающего реальную профессиональную солидарность наемных работников, полноценных и действенных политической конкуренции и политического представительства, и т.д., и т.п.

Быть может, единственная успешно решенная ею к концу XX в. задача – консенсусное отторжение обществом стратегии самоизоляции советского периода, обозначившее поворот к полноценному включению страны в процесс глобального развития. В свое время это было воспринято в обществе как ее готовность стать всего лишь «одной из многих» – наряду с другими странами и народами – в едином, устремленном в будущее потоке современного человечества.

Но следует признать, что сегодняшние позиции России в ряду современных государств, в Совбезе ООН, в G8 – двусмысленны и противоречивы. Казалось бы, ее прежние мечты о «системной альтернативе» буржуазному миру уже почти четверть века как в прошлом, но она остается «чужой среди своих», более того, считает невозможным отказ от этого своего двусмысленного статуса. И это – не новация последних лет, а, скорее, инварианта ее «исторической судьбы», сохраняющаяся проблема ее «вхождения в Современность»: столь же двусмысленными и противоречивыми представлялись и до сих пор представляются многим исследователям позиции России в христианском мире, в политическом пространстве Европы, в рядах мирового социалистического движения.

И нельзя сказать, что повестка дня *глобального масштаба модернизационных процессов XX века* Россией безоговорочно провалена. Скорее, она поразительным образом, *перекроена на особый российский лад*. Напомним, что, достигнув к 1970-м годам по отдельным позициям практически паритета с мировым лидером, Россия (СССР) по ряду других утратила даже то, чем обладала на момент вступления в век двадцатый. Именно эти «лакуны», эти *фундаментальные изъяны* («каверны») в российском проекте модернизации ей и пришлось судорожно и «впопыхах» (вновь по принципу «лес рубят...») заполнять в ходе так называемых *реформ* конца 1980-х – 1990-х годов. Этот процесс «латания дыр» во многом продолжается и поныне.

В чем же состоит существо столь своеобразной перекройки глобальной повестки развития, предпринятой Россией накануне вступления в XX век, чем она была стратегически мотивирована, к каким историческим последствиям привела и какие возможности развития оставляет стране сегодня?

Необходимость получения ответов на этот и другие не менее злободневные вопросы, касающиеся перспектив российской модернизации, побуждает с особым вниманием отнестись к **методологическим проблемам исследования**.

Целый ряд драматических трансформаций мирового порядка, произошедших в последнее двадцатипятилетие, да и сам факт резкого возрастания значимости радикально обновившихся в этот период универсальных и все более безальтернативных и общеобязательных норм современного мира бросают сокрушительный вызов ставшим уже «классическими» принципам и подходам общественных наук эпохи Modernity. Налицо кризис современного национально-территориального государства и системы межгосударственных

отношений, за которым маячит заслоняющий всякую перспективу развития «призрак однополярного мира»; кризис традиционных идентификационных паттернов и разложение фундаментальных семейных укладов, очевидно снижающие потенциал общественной интеграции; кризис системы политического представительства и рост политического абсентеизма, а за ними – тревожащая перспектива подъема «антисистемных движений». В целом же – очевидный и поражающий своею глубиной кризис наших представлений об обществе (прежде всего – современном, глобализирующемся обществе, в котором все мы живем), о принципах, практиках, институциональных основаниях, которые обеспечивают его интеграцию, а также его экономическое и политическое бытие. Абстрактная суть этого «кризиса представлений» – в неадекватности подходов, выработанных применительно к изучению устойчивого мира послевоенного западного модерна (второй половины XX в. – вплоть до развала СССР), – применительно к исследованию сегодняшней «эпохи перемен». Дело в том, что методология изучения «устойчивого мира» (включая и многочисленные варианты концепции так называемого *устойчивого развития*) ориентировалась на как можно меньшее отягощение теоретических построений «несущественными подробностями», обусловленными динамической, неравновесной природой любых социальных структур, структур экономики, политики, общества в целом. Она как бы «абстрагировалась» от них.

Между тем, любые динамические структуры, включая и социально-политические, существуют за счет управления и «эксплуатации» устойчивых ресурсных потоков (начиная от энергии солнечных лучей и заканчивая творческой энергией креативных сотрудников современных корпораций, вовлекаемых в поток своими жизненными потребностями). Потеря устойчивости этих потоков (концептуализируемая представлением о кризисе) ведет к драматическим переменам. Меняется характер взаимодействия этих структур друг с другом вплоть до структурной перестройки интегрирующей их системы в целом. Наряду с этим стимулируются процессы внутренней оптимизации структур, вплоть до их возможной «элиминации» из системы, и появления новых, более эффективных, претендующих на расширение своей доли в общем объеме поглощаемых в системе ресурсов.

Драматизм кризисной эпохи с позиции социального индивида, ощущающего нарастающую неустойчивость своих статусных позиций в обществе, входящем в полосу структурных преобразований, можно, по контрасту, соотнести с привлекательностью такой эпохи для исследователя общества, его социетальных, экономических и политических оснований. В период кризиса они обнажаются до прежде неразличимых глубин. Для исследователя кризис – это тот самый *момент истины*, когда можно осуществить практическую проверку адекватности и эффективности прежде во многом умозрительных моделей, концепций и теорий. Когда можно получить ответы на поставленные ранее вопросы и задать меняющейся социальности новые, самые «неудобные», затрагивающие парадигмальные основания наших представлений о ней и о характере ее сосуществования с интегрированным в нее индивидом.

В ряду таких вопросов, обращенных к социальной и политической теории и заметно актуализировавшихся в последние годы, отметим лишь некоторые, представляющиеся наиболее значимыми. Это (1) проблема осмысления последствий «выхода» современного общества за пределы западноевропейского цивилизационного ареала и связанная с этим проблема реконцептуализации представлений о содержании и целях модернизационных преобразований. Это

и (2) возросший интерес к концепту *капитализма*, уже не только в узком экономическом или идейно-марксистском его восприятии, но как к понятию, характеризующему весь совокупный уклад современного общества: его культуру, право, поведенческие нормы, структуру общественных интересов, господствующие формы социализации, политическое целеполагание, рациональное управление жизненными ресурсами общества (сфера экономики), наконец. Это (3) проблема утраты прежде, казалось бы, ясных перспектив общественного развития, – в свете всевозможных «угроз» (экологических, демографических, миграционных, обусловленных растущим дефицитом ресурсов: пищевых, водных, энергетических, минеральных и т.д.). Ответы науки на эти угрозы, – преимущественно «технические», жестко привязаны к устоявшимся парадигмам и с учетом нового научного знания представляются малоубедительными. Но может быть наиболее важная проблема (4) – перспективы личности в грядущем мире. Эта проблема всегда обостряется в эпоху фундаментальных перемен. Но сегодня, как, быть может, еще никогда, силен дисциплинирующий натиск общества на *естественные права личности*, и даже не столько на насыщенное идеологическими коннотациями ее *право на свободу*, сколько – ее фундаментальное *право на саморазвитие и самоопределение, право на самореализацию*, обеспечившее человечеству львиную долю достигнутого на сегодня (и практически все – в области научного познания). Исследуя перспективы «выживания» личности под натиском социальности, мы тем самым получим ответ и на вопрос о судьбе собственной «корпорации».

* * *

В первой главе монографии намечаются основные проблемные узлы, выявляющиеся при анализе глобального исторического контекста российской модернизации; особое внимание при этом уделяется обеспечению оптимальной полноты используемой исследовательской оптики. Вместе с тем, самым кратким образом, в форме первоначального очерка, проводится обзор ключевых понятий и методологических подходов, выстроенных во взаимосвязи и используемых в последующем изложении.

Во второй главе рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается исследователь, стремящийся понять и концептуализировать изменчивую реальность. Исследуются возможности привлечения понятий и моделей, разработанных для описания динамичных, эволюционирующих систем, с целью разработки подходов к изучению политических изменений, процессов политического развития, эволюционного усложнения структур политики.

В третьей главе предпринимается попытка проблематизации представлений о политической модернизации, происходящей за пределами западного социокультурного и цивилизационного ареала, исследуются отличительные особенности этого типа модернизации, основные факторы, влияющие на протекание соответствующих процессов.

В четвертой главе предлагается и обосновывается авторская концепция российской политической модернизации, рассматриваемой в структурно-динамическом и эволюционном аспектах.

Наконец, в пятой, заключительной главе более детально анализируется проблемное поле текущей фазы российской политической модернизации, а представленная в предшествующей главе авторская концепция используется в качестве инструмента научного прогнозирования вероятных альтернатив российского ответа на вызовы актуальных и предстоящих глобальных трансформаций.

Глава 1. ПРОБЛЕМНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

...следует незамедлительно разобраться в том, что такое общество и общественное. ...Этот вопрос достаточно узкий... Но его решение не терпит отлагательств. Именно в нем – глубинные корни главных понятий: государства, нации, закона, свободы, власти, коллективности, справедливости, – понятий, которые и поныне тревожат смертных.

Х.Ортега-и-Гассет. «Человек и люди»

Современная социология, по авторитетному мнению Э.Гидденса выстроенная, – и как теоретический концепт, и в качестве исследовательского инструмента, – с ориентацией на углубленное понимание *современного общества*⁵, аксиоматизирует многие проблемные места общественного устройства человеческой жизни, вынося их тем самым «за скобки» теоретического анализа. В частности, она проявляет явно недостаточный интерес к изучению устройства до-современных, так называемых *традиционных обществ*, тех, которые в силу своей достаточно дифференцированной структуры не могут рассматриваться как примордиальные, но в силу присущего им системного отторжения практик коммерциализации, рационализации и индивидуализации социального бытия плохо поддаются изучению методами современной социологии. Долгое время воспринимаемые в качестве «уходящей натуры», что для западного мира таковым и являлось, традиционные общества рассматривались как своего рода безликий фоновый концепт, в сравнении с условной невыразительностью и «неактуальностью» которого более ярко и выигрышно смотрелись достижения общества Модерна.

Тем не менее, с более широких позиций такую ситуацию можно понимать и как своего рода *самоограничение* теории *современного общества*. В таком случае, очевидно, изучение обществ, еще не ставших современными (т.е. несовременных или модернизирующихся обществ), оказывается в определенном смысле за рамками возможностей соответствующих теорий, за пределами их познавательной «чувствительности». Точнее, в поле зрения теории современного общества попадают лишь факты и тренды, в которых улавливается «прорастание» Модерна поверх прежних социальных укладов, их институциональной, ценностно-нормативной сфер, выработанных в них обычаев (*рутин* – в терминологии современной социальной теории). Вызовы текущего глобального кризиса, инициированный ими растущий интерес к устройству несовременных, но, скорее, не традиционных, а именно модернизирующихся обществ, более того, не столько к тем аспектам их устройства, которые можно счесть аналогичными устройству западных обществ, а в первую очередь к тем, что характеризуют их ключевые *отличительные особенности*, – принципиально меняют ориентиры развития социальной теории. Для усовершенствования инструментария исследования несовременных обществ и преодоления сформировавшегося *самоограничения*

⁵ «...Я осознаю, что 'социология' не является 'родовой' дисциплиной, занимающейся изучением человеческих сообществ в целом; скорее она представляет собою отрасль социальной науки, которая концентрирует свое исследовательское внимание на 'передовых' или современных обществах...» Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект. 2005. С. 10.

социальной теории требуется осторожное, но принципиальное расширение ее парадигмальных рамок, более внимательное отношение к используемым понятийному аппарату и методологическим подходам...

Нет нужды говорить, что все выше сказанное имеет непосредственное отношение к проблеме совершенствования теоретического инструментария исследований общественно-политического организма современной России. Вся российская история последних столетий, причем воспринимаемая, скорее, в логике «от противного», самым недвусмысленным образом свидетельствует об ином типе ее общества – в сопоставлении с западноевропейским, сформировавшим феномен Модерна. Наиболее ярко и определенно эта ее «инаковость» проявилась во множественных «непостижимых» – с позиций парадигмального mainstream'a современной науки – поворотах ее истории одного лишь XX столетия...

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК. ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Социальная природа человека, социальная психология и проблема сохранения сплоченности человеческого общества – этими темами теория демократии не занималась...

Э.Нозль-Нейман.

«Общественное мнение. Открытие спирали молчания»

...То, чего нам недостает, – спокойно признаемся в этом – это мыслительные модели и общее видение, с помощью которых мы, размышляя, могли бы понять, ...каким образом многие отдельные люди вместе образуют нечто большее, нечто иное, нежели просто совокупность множества отдельных людей, – как они образуют 'общество'...

Н.Элиас. «Общество индивидов»

Варианты концептуализации представлений об обществе как особом феномене, способы и подходы к изучению его природы, его воспроизводства и трансформации, утвердившиеся в современной науке и активно развиваемые в течение всего XX века, чрезвычайно многообразны.⁶ Но, вместе с тем, их роднит между собой общность ряда сюжетов, с неизбежностью выходящих на

⁶ В качестве одной из наиболее значимых возможных дихотомических градаций, используемых при сопоставлении этих подходов, выделим противопоставление структурно-функционального анализа, как правило, ассоциируемого с именем Т.Парсонса (см., например: Parsons T. *Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966; Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1971; Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1997) и теории структуризации Э.Гидденса (см. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 1984; Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005). Наиболее важное для последующего изложения различие между ними состоит в том, что первый, скорее, развивает универсальную теорию, теорию социального действия; тогда как второй – частную теорию идеализированного «современного общества»...

передний план и замыкающихся на проблеме *субъекта социального действия*, а также на стоящей за ней проблеме сопряжения *общества и людей*, его составляющих. При некотором углублении в эти проблемы дополнительно обнаруживаются нетривиальные и не имеющие однозначного решения фундаментальные коллизии «свободы в обществе», «противостояния природы и общества», наконец, «противостояния общества и личности». При таком рассмотрении *общество* оказывается чрезвычайно многомерной и интегрированной во множественные взаимосвязи и взаимозависимости *особой сферой* человеческого бытия, наряду с *природой* и *внутренним миром человека*, с которыми оно имеет подвижные и чувствительные к любым переменам области перекрывания и находится в постоянном напряженном взаимодействии–противоборстве. Наряду с этим, все три эти сферы представляют собой своего рода «аналитические проекции» деятельности человека, имманентной ему субъектности, способствующие формированию у него дифференцированных представлений о той, словами Х.Ортеги-и-Гассета, «радикальной реальности», в которой он обнаруживает себя по мере обретения сознания.

Вместе с тем, представления об обществе неразрывно связаны с представлением о составляющих его «элементарных частицах»⁷, применительно к современному обществу – социальных индивидах.⁸ Индивидуализация (в наиболее злокачественных формах – атомизация⁹) рассматривается как естественная и неотъемлемая характеристика общества, вступившего на путь превращения в современное. Тем самым целостный человек предстает: в своем современном общественном бытии как *социальный индивид*, в своей «природной» ипостаси – как представляющая биологический вид *homo sapiens* *человеческая особь*, а в своем «внутреннем мире», генерирующем креативный контент его жизнедеятельности, – как *свободная личность*.

Формально, следуя логике такой, казалось бы, естественной, градации жизненных сфер человека, в дальнейшем изложении основное внимание будет уделено *взаимоотношениям* и *взаимозависимостям* формируемого обществом *социального индивида* и, в свою очередь, формируемого этим индивидом – совокупно с другими – *общества*. Тем не менее, следует с самого начала прояснить смысловые границы и степень условности принятого аналитического деления этих трех жизненных сфер.

«Наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец...», – справедливо, хотя и с некоторой излишней долей публицистического «аларма» констатирует Э.Гидденс. И поясняет: «'Конец природы' означает, что лишь

⁷ Соответствующая метафора с неожиданно глубоким и точно воплощенным смыслом использована в названии скандального бестселлера Мишеля Уэльбека (Уэльбек М. Элементарные частицы. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика». 2010; Houellebecq M. Les particules élémentaires. © Editions Flammarion. 1998).

⁸ «...оба эти представления – то, как мы осознаем себя как общество, и то, как мы осознаем себя в качестве индивида, – никогда не соединяются в одно целое...» (Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 19. См. также Elias N. Die Gesellschaft der Individuen. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1996).

⁹ Об атомизации социальных связей и психологии «атомизированного потребителя» в постсоветской России см., например, Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность. // Вестник РОПЦ, 1996, № 2. С. 32-49; Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества. // Полис, 1993, № 4. С. 41-64.

немногие аспекты окружающей нас материальной среды еще не подверглись в той или иной форме вмешательству человека. Многие из того, что прежде носило естественный, природный характер, в какой-то степени стало искусственным, хотя мы не всегда в состоянии точно определить, где кончается первое и начинается второе...».¹⁰ Используемое в таком контексте широко распространенное представление об «искусственности» человеческого окружения и самого человека (причем именно как *социального индивида*, как это недвусмысленно следует из контекста), его «выделенности» из природы, думается, следует рассмотреть более внимательно и взвешенно.

В известном смысле все, что включено общественным человеком (*социальным индивидом*) в круг своего деятельного мышления, тождественно тому, что он понимает под «своим миром». Что он не может включить в этот круг, того для него и не существует вовсе. При этом отличительная черта нашего времени состоит в том, что этот «мир человека» стал глобальным, в пределах Земли – всеобъемлющим. Человек обзревает и деятельностно осмысляет все «три сферы» этого мира¹¹, не находя в этих рамках пределов собственной познавательной (когнитивной) активности. Что же касается проводимого им в пространстве этого своего мира различия между «естественным» и «искусственным», то в нем отражаются скорее особенности его культурной самоидентификации. «Искусственным» он именует то, что идентифицирует как продукт современной, индустриальной цивилизации (а также ее прото-структур в предшествующие исторические эпохи) и что определенно несет печать технологии. Напротив, «естественно» для него то, в чем утрачены, «затерты» следы вмешательства общественного человека до-современной, до-индустриальной культуры. И «природа», окружающая современные мегаполисы, и, более того, практически все прочие так называемые «природные ландшафты» достались современной цивилизации от предшествующих и несут на себе очевидную для взора специалиста печать прежней глубочайшей культурной трансформации. Даже наиболее щадящие «природу» культуры оставили свои следы на ее «лице».¹² Иными словами, естественное – идентифицируется по критерию «непроявленности», практической неразличимости в его облике печати *деятельной воли* современного общественного человека, напротив, ее наличие, ее очевидное проявление указывает на искусственность того ли иного предмета. Природно, естественно то, в чем человек не распознает *субъекта*, что, по его поверхностному суждению не является результатом субъектной деятельности.

Однако такое понимание «природы» включает в себе очевидное противоречие. Культура исключает возможность осознанного отношения человека к тому, что еще не включено в сферу его деятельностного мышления. Иными словами, если под природой понимать то, что еще не было опосредовано человеческой практикой, то подлинный контакт человека с *природным* возможен лишь постольку, поскольку человек не имеет о нем

¹⁰ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир». 2004. С. 43.

¹¹ Напомним: природную, социальную и личностную, мотивированную исключительно его интимной, внутренней жизнью.

¹² Так, к примеру, североамериканские индейцы в относительно недалеком прошлом радикально преобразовали ландшафты степной и лесостепной зон Северной Америки, истребив многие виды крупных животных (в т.ч., вероятно, и обитавших там мамонтов).

понятия. Включая нечто в круг называемого им *природою*, человек тем самым совершает прямо противоположное, – делает первый шаг к искусственному преобразованию прежнего естественного порядка...

Впрочем, в противостоянии «искусственного» и «естественного» можно обнаружить и не менее парадоксальную оборотную сторону. Стремление общественного человека всерьез противопоставить себя природе весьма самонадеянно и по здравому размышлению смехотворно. Так, все разговоры об «угрозе Земле», которую-де несут «ядерная зима», «глобальное потепление», падение комет, астероидов и метеоритов, и проч., и проч., – на деле лишь выявляют бессилие человека в столкновении с природными катастрофами, пусть даже и им самим непреднамеренно спровоцированными. При этом очевидно, что риску уничтожения подвергается именно «мир человека», тогда как существованию жизни на Земле, а тем более – самой планете все перечисленные катаклизмы реальной угрозы представить не в состоянии. Выделяя сферу искусственного, человек как бы обозначает, маркирует зону собственной ответственности/контроля (что в современной культуре практически тождественно представлению о собственности). Природное же – то, что *пока* бесхозно, но потенциально представляет объект коммерциализации. Именно этот подход в свое время оформился в рамках парадигмы «завоевания/покорения природы». И именно в этих рамках современный общественный человек осмысляет противоречие между собственными беспредельным вожделениями и актуально ограниченными возможностями. Точно так же как, по словам Гидденса, современное общество это «общество, ориентированное на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации»¹³, оно также и общество, для которого природа – это сфера, уже ставшая вожделенной, уже покорившая воображение общественного индивида, но деятельностно еще не освоенная и потому также *подлежащая завоеванию и колонизации*.

По контрасту с «природным» «общественное» зачастую представляется человеку наиболее естественной для него жизненной сферой: «человек – существо общественное», или же, более безапелляционно: «жить в обществе и быть свободным от общества...». Каково же нормативное устройство общества? Вот, к примеру, предельно краткий ответ Норберта Элиаса: «Никто не станет сомневаться в том, что индивиды образуют общество и что всякое общество – это общество индивидов».¹⁴ Так ли это, большой вопрос, причем не только вопрос терминологии.

Дело в том, что общество могут формировать не только индивиды, но и семьи, кланы, тейпы и пр., – как некие целостные его единицы. При этом дети (подростки), а зачастую и взрослые женщины, которые могут, безусловно, с формальной точки зрения, рассматриваться в качестве индивидов, принадлежащих данному обществу, в делах общества не участвуют. Их принадлежность обществу имеет особый статус, это – не индивидуальное, а своего рода 'коллективное' членство, персонально представленное главами семей или родов (кланов, тейпов). Как правило, – наделенными (обычаем) соответствующими полномочиями и авторитетом мужчинами. Более того, такого же рода 'коллективное членство' характеризовало в свое время

¹³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир». 2004. С. 39.

¹⁴ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис. 2001. С. 19.

включенность российского крепостного крестьянства в жизнь общества и страны в целом, персонально представленного своими хозяевами – помещиками. Такие, с современной точки зрения, ‘особые общества’ формально также можно описать как ‘общества индивидов’, но при этом будет утрачена, выпадет из рассмотрения их наиболее существенная особенность.¹⁵ Суть в том, что ‘индивидуальность’ составляющих их ‘индивидов’ – как *включенных* в общественную жизнь, так и *исключенных* из нее – весьма условна. Так, первые представляют не только и даже не столько себя как условно автономную сущность, сколько выполняют представительскую и посредническую роль. Они, прежде всего, обеспечивают социальную коммуникацию между этими иными (вторыми), ‘особого рода’ индивидами, находящимися на их попечении, не имеющими общественного статуса и не допущенными к участию в общественной жизни, и – институциональной сферой общества, генерирующей общеобязательные нормы и практики.

Иными словами, есть основания полагать, что далеко не всякое общество – это общество индивидов, что по историческим меркам совсем недавно нормой общественного устройства было совсем иное, не-индивидуализированное общество, что, соответственно, были весьма серьезные причины осуществления громадной исторической трансформации, в результате которой сегодня «общество индивидов» представляется нам естественной нормой.

Одной из ключевых проблем социальной теории является «конструирование общества» и концептуализация происходящих в ходе социальных трансакций превращения (омассовления) таких сугубо «человеческих» качеств составляющих его социальных индивидов, как воля, действие, интерес, целеполагание, предпочтение, мнение и пр.¹⁶ В рамках воззрений одних исследователей общества эти фундаментальные проявления человеческой индивидуальности более или менее беспроблемно трансформируются (интегрируются) в соответствующие проявления «общественного бытия» (общественную волю, общественное действие, общественный интерес, общественное мнение и т.д.). Другие – по сути дела отказываются признавать, что в результате интеграции индивидов образуется некая новая сущность – общество, – представляющая самостоятельный объект исследования, обладающая своей особой природой, которую, казалось бы, и призвана исследовать наука об обществе.

Но аргументация и тех, и других остается, зачастую, на уровне времен Аристотеля. Так, умеренный сторонник первого подхода, Н.Элиас, ссылаясь на современную тому времени теорию гештальтов, утверждает: «...целое есть нечто иное, чем сумма частей, ...оно обладает своими собственными закономерностями, которые никогда не могут быть выведены только из

¹⁵ Это, в частности, и проявляется в результате попыток внедрить в такого рода общества практики современной представительной демократии. Мотивация голосования произведенных таким способом «избирателей» оказывается зачастую непостижимой для «промоутеров» таких социально-политических новаций.

¹⁶ Понимание особой, сконструированной природы общественного, выраженное, в частности, в представлениях о «воображаемых сообществах» (см., например, Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. 2001), появляется довольно поздно, уже на этапе углубленной саморефлексии, которой высокоспециализированный социальный индивид, сформировавшийся в ходе длительной социальной дифференциации, подвергает собственные практики и собственное мышление как их составную часть.

рассмотрения его отдельных частей...».¹⁷ Да, действительно, множество человеческих индивидов, рассматриваемое как *объект* исследования, может выглядеть как толпа, а может вести себя как способное к целенаправленной деятельности сообщество. Налицо дуальность нашего *объекта*, побуждающая вспомнить известную марксову метафору о *пчеле и архитекторе*.¹⁸ Имея дело с социальными индивидами и образуемыми ими сообществами, мы вынуждены принять во внимание дополнительные обстоятельства, существенно усложняющие решение нашей проблемы. Суть в том, что индивид, составляющий (и образующий) общество, наделен субъектностью (свободой воли, личностными качествами и т.д.). Безусловно, соблазны власти (и персонализирующих ее властителей) заключаются в том, чтобы принуждать индивида к участию в жизни общества «по единому плану общественного устройства» (тому самому, наличием которого марксов *архитектор* отличается от *пчелы*), т.е. подавляя его субъектность, разрушая личность и тем самым упрощая задачи управления. Но имеющийся на сегодня исторический опыт демонстрирует невозможность сколько-либо долгосрочного и устойчивого продвижения к этому «идеалу власти», тем более – его достижения.

Именно индивид, в силу неистребимо (неустранимо) присущей ему субъектной активности (в ней проступает «внутренний мир» целостного человеческого существа) оказывается постоянно действующим, активным началом общественных изменений. Однако изучение этих изменений по-прежнему ведется в основном теми же методами, что и изучение «архитектурных строений», исследуются изменения общественно значимых форм, институтов, ценностей, массовых практик, массовой психологии... Между тем, с позиции индивида его социализация и его социальная жизнь, то, что, собственно, и формирует его как такового, предстает всякий раз драматической попыткой самореализации личности в условиях, с одной стороны, – дефицита жизненных ресурсов и острой конкуренции за них с другими индивидами, «собратьями по обществу», а с другой, – движения в лабиринте ограничивающих (дисциплинирующих и упорядочивающих) социальных установлений, последовательно и принудительно вводящем формирующуюся личность в прокрустово ложе социальности.

Именно поэтому ключевым моментом в понимании диалектики процесса, в ходе которого «отдельные люди образуют общество», оказывается то, что итоговое «общественное строение» формируется не по плану некоего стороннего «архитектора» (вспомним «Матрицу-2»), а в ходе поражающей воображение интеграции взаимодействующих усилий множества «мыслящих индивидов», каждый из которых несет в себе свой план обустройства социального порядка, в интерактивное пространство которого он погружен. Как же осуществляется этот социальный синтез индивидуальных субъектностей, и какими характерными свойствами наделяется его продукт? «...Как возможно, что благодаря одновременному сосуществованию многих людей, благодаря их совместной жизни, их взаимодействию, их общим взаимоотношениям возникает нечто, чего ни один отдельный человек сам по себе не добивался, не задумывал, не творил и частью чего, хочет он того или нет, он является, – словом, возникает соединение взаимозависимых индивидов, общество?»¹⁹

¹⁷ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 20.

¹⁸ Маркс К. Капитал. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т. 23, гл. 5. С. 189.

¹⁹ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 24.

Диапазон подходов к интерпретации феномена социальной интеграции чрезвычайно широк: от уже упоминавшегося наделения продукта этой интеграции способностями психологической рефлексии и субъектности, до сведения всего к эффектам воображения, к «фантому», камуфлирующему неполноту наших знаний о поведении индивидов. В последнем случае такое знание, по мнению адептов этого подхода единственно достоверное эмпирически, при его достаточном наполнении предоставило бы нам практически исчерпывающую информацию обо всех так называемых *проявлениях общественного*. Иными словами, измерив или исчислив характеристики каждой «элементарной частицы» общества, каждого общественного индивида, его интересы, мотивы, его статус и возможности, мы сможем, де, рассчитать все профанно относимое к «общественному целому», не прибегая к посредству самого этого интегрального концепта. Однако даже в сфере точных наук, в частности, в молекулярной физике, решение задачи поведения больших ансамблей молекул потребовало уйти от попыток измерения параметров отдельных молекул и их последующего суммирования, и ввести интегральные характеристики ансамбля, такие теперь уже фундаментальные для всей физики как температура, энтропия и пр. С системной точки зрения общество, безусловно, представляется существенно более сложным ансамблем индивидов, тем более что и набор характеристик составляющих его индивидов несопоставимо богаче набора характеристик молекул и вообще вряд ли может быть представлен конечной их совокупностью. Это делает еще более настоятельной необходимость введения и дальнейшего совершенствования интегральных характеристик социальных ансамблей, в числе которых с неизбежностью должны присутствовать и специфически общественные, не входящие в число характеризующих отдельного индивида.

Первоначальные подходы к пониманию принципов такой интеграции и возможностей концептуализации человеческих ансамблей как особых целостностей, а также к исследованию соответствующих интегральных категорий общественного строения и его динамики разрабатывались социальной и политической (моральной) философией. В частности, И.Кант, в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» приходит к выводу, что именно сохраняющаяся неспособность человеческого рода в целом к разумному целеполаганию и обеспечивает возможность изучения его истории как *естественного* и *закономерного* процесса (а стало быть, дополним, и общества как целостного предмета исследования), и позволяет рассчитывать на возможность «...беспорядочный *агрегат* человеческих поступков, по крайней мере в целом, представить как *систему*»²⁰. Ключевым механизмом, благодаря которому хаотическая совокупность действующих по произволу или в силу обстоятельств людей порождает «законосообразный порядок» их социального бытия, является, по Канту, их *антагонизм* в обществе или, иными словами, «недоброжелательная общительность людей, ...их склонность вступать в общение, связанная, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением»²¹, задатки чего, по мнению Канта, явно заложены в человеческой природе. Именно это противоречие социального бытия человека (который «своих

²⁰ Кант И. Критика способности суждения. СПб: Наука. 1995. С. 434.

²¹ Там же. С. 426.

ближних не может *терпеть*, но без которых он не может и *обойтись*»), т.е. необходимость общения с себе подобными и в то же время стремление к автономии, диктуемое «желанием все соотносить только со своим разумением» и уклоняться от того, чтобы быть орудием чужой воли, – именно это и открывает, по Канту, перспективу «превратить грубые природные задатки нравственного различия в определенные практические принципы и тем самым *патологически* вынужденное *согласие к жизни в обществе* претворить в конце концов в *моральное* целое»²².

Следует обратить внимание на то, что одним из фундаментальных принципов социальной интеграции здесь оказывается имманентное человеку стремление к самостоянию, выражающееся в действиях его субъективного «Я». Вместе с тем, стремление к операционализации интегральных социальных понятий существенно приглушает практический интерес исследователей к анализу диалектики субъективного во взаимоотношениях человека и общества.²³ Тем не менее, именно в этой субъектной способности к действию человек всякий раз открывает для себя не очевидные для окружающих возможности самореализации, проявляясь в качестве существа, *способного быть свободным*, в том числе и от всех ограничений существования в качестве социального индивида, члена сообщества. Более того, ему как ориентированному на автономию существу присуща способность «не замечать» или «не распознавать» действия других индивидов, и то, что для одного человека представляется «действием», не обязательно является таковым для другого (вопреки достаточно распространенным представлениям современной социальной теории). Каждый индивид сам распознает в переменах окружающего его мира то, что относится к разряду субъектного действия, и сам принимает решение о значимости для него этого действия и собственной реакции на него, руководствуясь, с одной стороны, собственными целями и потребностями, а с другой – тем, в какой мере сам он «коррелирован» с соответствующим сообществом и его нормами восприятия «действия».

В конечном счете, мотивы деятельности индивида (если изучать человеческую деятельность, оставаясь в рамках «социологического приближения», т.е. рассматривая человека как рефлексивно «включенного» в свое социальное окружение) могут формироваться двояким образом. Либо индивид самостоятельно и оригинально осмысляет ситуацию (самореализуясь в этом акте как личность), либо же прибегает к помощи уже готовых, сформированных структурами социальной системы решений, полагаясь на существенные для него социальные авторитеты. В этом обращении к авторитету, выступающему здесь *формой власти*, реализуется процесс *самоотчуждения*. Это и есть основа и первичный шаг, элементарный акт социальной интеграции, сплоченности, солидарности, самоидентификации;

²² Там же.

²³ Ср. подходы к описанию социального действия или деятельности социального актора в интерпретациях Т.Парсонса (Парсонс Т. Система современных обществ. М.:Аспект Пресс. 1997. С. 15-19 и далее) и Э.Гидденса (Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 48-49 и далее). И в том, и в другом случае, при колоссальных достоинствах проведенного анализа и фундаментальных концептуальных прорывах в понимании структур социального действия и социальной структуриации, соответственно, субъектный потенциал действующей человеческой личности остался в целом за рамками рассмотрения.

личность, «принуждаемая обстоятельствами», доверяет свое *право выбора и решения* некоему «сокровенному правилу», скрывающему собственные глубинные смыслы. Эти смыслы человек должен был бы попытаться выявить самостоятельно, но ни времени, ни сил на это у него, как правило, нет.

Поэтому она предпочитает (и вынуждена) идти по пути социализации, уступая авторитету и соглашаясь на «условно осмысленные» решения и поступки, т.е. действия, смысл которых она полагает известным и установленным, но не ею самою, а авторитетными членами или институционально-правовыми структурами того сообщества, к которому она себя причисляет. Это последнее, к тому же, делает с ее точки зрения излишними – до поры до времени – самостоятельные усилия по их переосмыслению.

Онтологически обусловленной потребностью, побуждающей человека идти по пути самоотчуждения и принимать правила, предлагаемые ему обществом, вопреки естественному неприятию *бессмысленного*, является потребность в общении, в коммуникации с окружающими его *другими*. Изначально (в том числе и с ранних, ювенальных этапов человеческой социализации) такая потребность конфликтно состыкована со столь же онтологическим стремлением личности к автономии, «из себя сущему бытию». Понимание процесса коммуникации (или информационного обмена между людьми) сопряжено с преодолением не менее драматических противоречий. Дело в том, что «информация – не субстанция, она не содержится в сообщениях или записях. Передача информации – лишь удобный способ описания причинно-следственных связей между коррелированными, то есть имеющими внутреннее сходство, системами...».²⁴ По этой причине участие человека в жизненно важном для него информационном обмене, в коммуникации с другими людьми с необходимостью предполагает принятие норм и правил, существующих в сообществе, которые единственно обеспечивают возможность коррелированного и адекватного восприятия символических сигналов, распространяющихся в условном (заведомо не материальном) «информационном пространстве» этого сообщества. Следует, впрочем, оговорить два обстоятельства. Первое. Именно потребность коммуникации в рамках современного глобального сообщества обуславливает стремительную экспансию глобальных информационных сетей, подчиняющих, поглощающих или даже радикально упраздняющих всякого рода локальные

²⁴ Сергеев А. От сигнала к смыслу. // Вокруг света. 2010. № 5. С. 102-104. Более того, «...само по себе сообщение, будь это слово, жест или число, не несет информации. Она появляется лишь тогда, когда сообщение воспринято и определенным образом интерпретировано... Информация не содержится в сигнале, но под его воздействием возникает у получателя. От состояния и способностей получателя она зависит едва ли не больше, чем от самого сигнала. Аналогично и со смыслом: он не содержится в информации, а создается тем, кто ее оценивает... Смысл... создается человеком и существует только в субъективном внутреннем мире сознания... Внешний мир вещей и внутренний мир идей надежно изолированы друг от друга. Физические сигналы не проникают в бестелесный мир идей, образов и смыслов, а образы субъективного мира не могут покидать сознание... Но изменения случаются в обоих мирах, и универсальным посредником между мирами объективного и субъективного служит информация... Смыслы нельзя получать извне их можно только создавать самому. Вот почему ошибочны в частности, попытки буквального прочтения великих священных книг... Для успешного информационного взаимодействия совершенно необходимо, чтобы отправитель и получатель сигнала имели между собой много общего, то есть, как говорят в науке, были коррелированными системами...» (там же. С. 105-110).

информационные структуры. И второе. Вместе с тем, существует область человеческих взаимоотношений, относительно автономная и позволяющая себе уклоняться от универсально-обязательной коррелированности с внешним социальным окружением. Это – область человеческой интимности, семьи, личной жизни, внутреннего мира человека – мир личности. В этой сфере межличностного общения²⁵ детальной коррелированности вступающих в общение не требуется. Здесь многое (и прежде всего – сокровенные смыслы) понимается без слов... Эта сфера и есть последний оплот автономии и свободы личности в социальном мире отчуждения.

Здесь хотелось бы зафиксировать принципиальный момент *онтологического расхождения личности и социализированного индивида*, момент порождения феномена самоотчуждения и авторитарных форм координации социальной деятельности. Это – проявление глубинной борьбы за смыслы: личность порождает смыслы, путем *межличностного общения* они получают распространение. Но по мере того, как в их восприятии при трансляции по межличностным коммуникационным сетям фактор межличностной импатии (*empathy*, умение прочувствовать человека, внутренняя настройка на одну с ним волну) отступает в тень, замещаясь формальными практиками усвоения «известных истин», в дело вступает фактор общественных авторитетов, устанавливающих смысловые значения тех или иных новаций... Это, в свою очередь, создает предпосылки для включения этих новых формализованных смысловых значений в отчужденную от индивида систему социального дисциплинирования (так называемого «социального знания»)²⁶ и организации кооперативной деятельности сообщества, подчиненной диктату этих смыслов и «знаний» (научений, заученности, внешнего смыслонаполнения). Так смыслы, интегрированные в структуры социальности и *отчужденные* от их естественного порождающего начала – личности, становятся основой власти и властного принуждения, низводящего личность до роли индивида, автономия которого ограничена его социальным статусом.

«...В жизни своей мы всегда руководствуемся теми или иными идеями, которые сложились у нас по поводу всего на свете. Однако, оценив эти идеи, мнения, с которыми и в эпоху господства которых мы живем, мы с удивлением обнаруживаем, что многие из них – если не большинство – никогда не приходили в голову лично нам... Мы говорим не по своей воле, а по воле непостижимого, неопределенного, безответственного субъекта, имя которому – *люди, общество, коллектив*. И в той мере, в какой я рассуждаю и говорю – не в силу своих личных убеждений, а лишь повторяя, что все твердят и думают, – моя жизнь перестает быть моей, я перестаю быть той уникальной личностью, которая есть 'Я', и поступаю по воле общества. Я – социальный автомат, я *социализован*. Но в каком отношении данная *коллективная* жизнь является *человеческой*?» – к такому сотрясающему основы человеческой социализации

²⁵ «...Межличностное отношение – типичная реальность человеческой жизни, ее сопереживание... *Социальное обнаруживает себя только по контрасту с межличностным...*» (Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 616).

²⁶ То, что при этом происходит со «словами», запечатлевающими сокровенные смыслы, порожденные духовными порывами личности, поэтически и с прямотой юного гения сформулировал 19-летний И.А.Бунин: «...И хоть бы в словах-то людских не так уж все было избито! Значенья не сыщете в них, значение их позабыто!».

вопросу приходит Х.Ортега-и-Гассет в работе «Человек и люди»²⁷. И не останавливаясь на этом, продолжает последовательную цепь рассуждений: «...*коллективное* есть действительно человеческое, однако это – человеческое без человека, человеческое без духа, человеческое без души, это – обесчеловеченное человечество. ...Это – человеческое действие, но действие иррациональное..., человеческое бесчеловечное, механистичное и донельзя материализованное! Так неужели же общество и есть та особая реальность, которая лежит между природой и человеком, – ни то, ни другое, скорее первое и меньше всего второе? Быть может, общество – это некая *как бы природа* и как таковая она – нечто слепое, механическое, сомнамбулическое, иррациональное, жестокое, бездушное, противоположное духу и тем не менее именно поэтому – нечто полезное и необходимое самому человеку? Так неужели 'общественное', 'общество' – это не человек и не люди, а всего лишь разновидность природы, материи, *мира*? И значит, нестрогий термин *социальный Мир* получил наконец свой строгий смысл?»²⁸

Эти рассуждения, казалось бы, вплотную подводят к выводу о стихийной, естественной природе *общества*, подчиняющегося действию естественных законов, и находящегося *вне* подлинно человеческих сфер духа, воли и свободы. Иными словами, к выводу о то, что этот «иррациональный и бездушный» вид человеческого действия – то, что мы привыкли наименовать социальным *или* коллективным действием – подобен всякому объекту неодушевленной природы и подлечит логике и диктату природного закона – в отличие от свободного человеческого (личностного) действия. О том, что, выполняя социальное *или* коллективное действие, человек поступает «подобно граммофону, который играет непонятную ему пластинку;... подобно прорастающему семени; подобно птице, выующей гнездо...».²⁹ И если так, то что же превращает человека «...в автомат, который ограничивается только механическим выполнением актов, предписанных правилами...»?³⁰

Мы уже сказали выше о внутренней мотивации такой трансформации человека, тождественной жесточайшему самоограничению, – о потребности общения, коммуникации с окружающими его «другими». Но есть и другой, не

²⁷ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир». 2000. С. 611. Делая принципиально иные концептуальные выводы, Э.Гидденс, тем не менее, исходит из поразительно схожих эмпирических констатаций. Вот что мы читаем у Гидденса, со ссылкой на исследования Мишеля Фуко (Foucault M. Discipline and Punish. Harmondsworth: Penguin. 1979), относительно дисциплинарной власти социальных практик периода западноевропейской индустриализации: «Дисциплинарная власть не только предполагает установление контроля за характерными жестами, но и максимально активизируется там, где эти жесты имеют отношение к позиционированию тела в целом. Эффективное использование тела означает, что никакие ресурсы его не растрачиваются даром и не остаются неиспользованными; все внимание сосредоточивается на действии, которым занят индивид. Дисциплинированный индивид – это обученный индивид: в этом смысле мы сталкиваемся с традиционным значением понятия 'дисциплина'...» Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 222.

²⁸ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир». 2000. С. 612-613.

²⁹ Там же. С. 612.

³⁰ Там же. С. 618.

менее важный фактор внешнего принуждения, воплощающий собою своего рода интеграл воли и устремлений этих «других». «...Так называемое 'общество' никогда не соответствует тому, что сулит название. Так или иначе, общество в то же время – еще и разобщенность, вражда,... по существу, реальность больная, ущербная; оно действительно представляет собой постоянную, непрекращающуюся борьбу между началами и типами поведения, имеющими объединительный, социальный характер, и теми его чертами, которые имеют разобщающие и антисоциальные свойства. И чтобы обеспечить такому миру хотя бы минимум мира, благодаря которому общество как таковое и поддерживает свое бытие, абсолютно необходимо частое применение его внутренней 'гражданской власти' в форме насилия. Наконец, когда общество развивается и преодолевает свой примитивизм, оно вынуждено создавать специальное образование, главная обязанность которого – обеспечить исполнение данной власти в самой неукоснительной форме. Именно это образование мы и называем государством».³¹

Здесь впервые из тени отчуждающих социальных практик начинает проступать реальность политической организации современного общества, в рамках которого приобщение к благам цивилизации оборачивается для человека императивом самодисциплинирования и самоотчуждения. При этом по мере совершенствования структур современного общества все более изощренные безличные формы социальной организации индивидов приобретали власть и контроль над ними; объективированное становилось субъектом (вернее было бы сказать, «псевдосубъектом»), превращающим реального субъекта (личность) в объект социального контроля и навязанного ему дисциплинирующего самоконтроля³².

Именно в принуждающей силе государства цивилизованное общество находит дополнительный ресурс собственного устойчивого воспроизводства, теперь уже – политическими методами, методами принуждающего регулирования конфликтов как между своими дифференцирующимися частями³³

³¹ Там же. С. 698.

³² Это обстоятельство, в частности, нашло отражение в «концепции социального действия» Т.Парсонса, в которой, как это сформулировал Э.Гидденс, «объект (общество) преобладает над субъектом (разумным человеческим существом)» Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 15.

³³ Впрочем, с последовательно либеральных позиций эта дисциплинирующая деятельность капиталистического государства подвергается жесткой критике. Суть ее в том, что это государство востребовано и необходимо лишь постольку, поскольку саморегулирующийся капиталистический рынок еще не готов решать самостоятельно и автономно все социальные проблемы им порождаемые. Однако: «Свободный человек... спросит...: 'Как мы воспрепятствуем тому, чтобы созданное нами государство сделалось Франкенштейновым монстром и погубило ту самую свободу, которую мы поставили его охранять?'» (Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство. 2006. С. 25-26). Не случайно поэтому цитируемый автор в предисловии 2002 г. к своей эпохальной книге отметил Р.Рейгана и М.Тэтчер как лидеров, сумевших «обуздать левиафана, если не сломить его...» (там же. С. 13), а свой скепсис по поводу ограниченных возможностей государства в продвижении практик коммерциализации выразил в критическом пересмотре своего отношения к политической свободе, «которая при одних условиях благоприятствует экономической и гражданской свободе, а при других им препятствует...» (там же. С. 15).

(феномен «сложного общества»³⁴), так и – с другими сопредельными обществами, также облекшимися в государственную форму (мир наций-государств). Впрочем, сегодня государство в его ипостаси блюстителя социальных норм и институтов все больше теснится иными «социальными субъектами», резко усилившими потенциал своего надгосударственного могущества, – *рынком и капиталом*.

МИР КАПИТАЛИЗМА И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ НАКОПЛЕНИЯ

...Капитализм – это прежде всего и главным образом историческая социальная система... В этой системе прошлые накопления были «капиталом» лишь в той степени, в какой они использовались для большего их накопления. ...Именно эту неумолимую и самонаведенную цель владельца капитала – накопление еще большего капитала и отношения, которые капиталовладелец должен был установить с другими личностями, чтобы достичь этой цели, – мы называем капиталистической...

И.Валлерстайн. «Исторический капитализм»

«Капитализм – неизящное слово...», – это отмечал еще Владимир Маяковский. Мир капитализма стыдлив и не расположен к последовательной и углубленной саморефлексии. Принято полагать, что классические черты капитализма как почти исключительно *экономической системы*, такие как эксплуатация человека человеком, экономическое принуждение, разрушение среды человеческого обитания и самой человеческой личности, рост неравенства и прочие так называемые «язвы», – все это сегодня успешно преодолевается, с одной стороны, в рамках последовательно распространяющихся практик *социального государства*, а с другой – путем повсеместной «рационализации» поведения социального индивида и процедуры принятия им практических решений (*rational choice*). Что же касается прочих сфер общественной жизни, – политики, права, культуры и пр., – то они, де, описываются в логике совершенно иных концептуальных схем, которые, как зачастую полагается, не имеют никакого отношения к «капиталистическому чудовищу», этому реликту прежней эпохи человеческой нужды и бедствий. Вместе с тем углубленные социальные исследования без особых затруднений обнаруживают фундаментальную для современного общества *взаимозависимость* (1) изменений в его политико-государственной, частноправовой и социокультурной сферах и (2) всепроникающего распространения в обществе коммерциализированных, рыночных отношений между индивидами («все на продажу»). «Дух» капитализма³⁵

³⁴ См. напр., Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Издательство «Алетейя», 2002. С. 99-100, 269-277. К сожалению, при переводе была избрана несколько неожиданная транскрипция фамилии автора, со временем ставшая общепринятой. Что вынуждает нас в дальнейшем пользоваться ею. См. также: Polanyi K. The Great Transformation: the Political and Economic Origin of Our Time. Boston: Beacon Press. 1944.

³⁵ Макс Вебер, которому современная наука во многом обязана введением представлений о «духе» капитализма, как на «документ упомянутого 'духа', ...в котором с почти классической ясностью...» отражена его суть, ссылается на поучения Бенджамина Франклина, где, в частности, читаем: «...Помни, что деньги *по природе своей плодородны*

ощутим сегодня не только в деятельности уже необратимо трансформировавшихся протестантских общин Новой Англии, но и в решениях Еврокомиссии, практиках мультикультурализма и толерантности, вердиктах Гаагского трибунала и коллизиях современных «информационных войн». Этот «дух» в его универсально-революционизирующей весь спектр социальных отношений ипостаси блестяще описан и проанализирован еще «классиками марксизма» в сер. XIX в. И даже ранее – в немецкой классической философии мы можем обнаружить поразительные прозрения³⁶, смысл которых в том, что речь идет не о частностях «рационализации экономических механизмов», а именно о «духе эпохи», о главном содержании перемен, которые в конечном счете (и достаточно быстро, по историческим меркам) революционизируют, т.е. переделывают на новый, капиталистический лад всю человеческую жизнь, переделывают *повсеместно и необратимо*. О том, что *мир миров*, мир множественных сосуществующих социальных и культурных форм будет преобразован, путем распространения этого нового «духа», в мир, организованный на принципах глобальной связности и универсализма, *мир капитализма*.

Естественно, что дальше других в осмыслении существа мира капитализма продвинулись его критики, в ряду которых среди теоретиков, вслед за К.Марксом, ведущее место занимают представители школы мир-системного анализа. Основные выводы исследований капитализма, осуществленных представителями этой школы, вполне исчерпывающе обобщил И.Валлерстайн в своей работе «Исторический капитализм».³⁷ Рассмотрим некоторые из них, представляющиеся наиболее значимыми в свете рассматриваемых здесь и далее вопросов.

«Одно из значений... слова <капитал> имеет в виду просто накопленное богатство. Однако в контексте исторического капитализма оно имеет более узкое (*specific*) определение... Историческую социальную систему, которую мы называем историческим капитализмом, отличает то, что в ней капитал стал использоваться (вкладываться) совершенно особым образом. Главной целью или главным намерением его использования стало саморасширение (*selfexpansion*)».³⁸

и способны породить новые деньги...» (цит. по Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 71-72). Сам Вебер резюмирует: «...идеал этой 'философии скупости'... – *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная 'этика', отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга...» (там же. С. 73-74). Именно этот «дух», по мысли Вебера, отличает современный капитализм от прежних исторических *форм накопления*, принимая «характер *этически* окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» (там же, С. 74). «Высшее благо этой этики прежде всего в наживе... при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами...; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к 'счастью' и 'пользе' отдельного человека... Приобретательство... становится целью его жизни...» (там же. С. 75).

³⁶ См. напр. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи. // Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб.: Мифрил. 1993. С. 359-617.

³⁷ Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.Y.: Verso. 1989.

³⁸ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008. С. 76.

Обратим внимание на некоторые моменты этого высказывания. Во-первых, в нем намечена линия исторического генезиса капитализма путем указания на более раннюю форму *накопления* – богатство. Во-вторых, представление об имманентной капитализму способности к саморасширению предполагает двоякую интерпретацию: как количественного роста капитала и соответствующего расширения сферы его социального влияния и контроля³⁹; и как пространственной экспансии, распространения своего по началу внешнего влияния на не- и докапиталистические сообщества. Особый интерес вызывает эта уникальная способность капитала к самопроизвольному возрастанию (имеющая, по сути, характер внутреннего императива, готовности и стремления так или иначе накопленного богатства к вхождению в систему воспроизводственных отношений капитализма). Эта способность возникает исторически и обусловлена формированием уникального типа западноевропейских городских сообществ XV-XVI вв.⁴⁰

И.Валлерстайн дает вполне определенную характеристику целому ряду отличительных черт этого типа социальности. Таких, например, как тенденция капитализма к «широкомасштабной товаризации процессов... обмена..., производства, распределения и инвестирования...», вплоть до «всеобщей товаризации»⁴¹. Охват товарными отношениями все большего числа процессов общественного воспроизводства (рутин), безусловно, повышал масштабы накопления капитала, поскольку накладывал своеобразную «дань накопления» на все больший массив социальных трансакций. Прежний «процент» (лихва) имел неизмеримо более узкое пространство циркуляции, да и легитимность такой практики в глазах общества была весьма сомнительной. Напротив, в капиталистическом обществе, пришедшем на смену традиционным, доход и прибыль вполне легитимны и даже респектабельны, а пространство циркуляции⁴² соответствующих отношений практически безгранично.⁴³

³⁹ «...исторический капитализм... – это социальная система, в которой именно те, кто действует по ее правилам, оказывают решающее влияние на социальное целое и задают некие условия, а все остальные должны либо приспосабливаться к ним, либо пенять на себя. Это такая социальная система, в которой поле действия (*score*) этих правил (закон стоимости) увеличивалось; те, кто навязывал эти правила, становились все менее склонными к социальному компромиссу; эти правила все больше и глубже проникали в социальную ткань, несмотря на то, что общественное противодействие им становилось все сильнее и организованней...» (там же. С. 80).

⁴⁰ «...Современная мир-система, которая является капиталистической мир-экономикой, возникла в 'длинном XVI веке' в определенных частях Европы и Америки и к настоящему моменту расширилась настолько, что охватила весь земной шар...» (там же. С. 141).

⁴¹ Там же. С. 78.

⁴² Концептуализируя процессы *циркуляции* власти и денег в сферах политики и экономики, а также процессы *взаимопроникновения* и *взаимообмена* между этими сферами Т.Парсонс формулирует теоретический подход к пониманию ключевых в жизнедеятельности современного капиталистического общества *процессов накопления*, осуществляемых посредством *системы мобилизации ресурсов*, а также *процессов инвестирования* (см. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1997. С. 17; Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. N.Y.: The Free Press. 1967. P. 351).

⁴³ «Поскольку капитализм – это процесс, целью которого является он сам (*self-regarding process*), ни одно социальное взаимодействие не могло избежать включения в него...» (Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008. С. 78).

Что же касается самой этой способности капитала к самопроизвольному возрастанию, то ни условия, ни предпосылки ее зарождения до настоящего времени удовлетворительным образом не исследованы. Единственным получившим хоть и одностороннее, но достаточно подробное освещение стал вопрос об источнике прироста капитала. Этот вопрос обрел статус ключевого в рамках всего левого движения современного мира, и научного – по итогам анализа капиталистического обращения и накопления, проведенного К.Марксом. Критическое развитие этого направления исследований можно проследить в трудах К.Поланьи, Ф.Броделя, школы мир-системного анализа. Диапазон предлагаемых ответов варьируется от «неэквивалентного обмена» в процессе товарного обращения (в т.ч. в ходе купли-продажи рабочей силы) до систематического некомпенсируемого изъятия дохода из стран периферии мир-системы в пользу стран ее ядра. Проблема всех такого рода ответов в том, что они остаются в парадигмальном поле капиталистического социального порядка, лишняя раз констатируя субъектную «силу» капитала и «слабость» тех, кто, утрачивая субъектность, оказывается ресурсным источником его роста (будь то «пролетариат» или страны мировой периферии). Вместе с тем, следует отметить и неявную когнитивную ценность этих попыток концептуально локализовать источник капиталистического накопления. В результате открываются неожиданные подходы к проблеме исторических и функциональных пределов капитализма...

Так, одна из наиболее глубоких и последовательных альтернатив логике безудержной и беспредельной экспансии капитализма была предложена в свое время Карлом Поланьи, обосновавшим понятие «фиктивных товаров», в качестве которых он выделил землю, рабочую силу и деньги. «Фиктивность» трех этих важнейших составляющих капиталистического рынка обусловлена их природой, предполагающей социально-институциональное, а не рыночное регулирование. Более того, их вовлечение в товарное обращение (товаризация) создает неустраиваемые и разрушающие общество противоречия, прежде всего, – псевдоэквивалентность обмена на капиталистическом рынке. Не менее разрушительной по своим последствиям оказывается, по Поланьи, еще одна фикция капитализма – саморегулирующийся рынок.⁴⁴ Единственным способом предотвратить неизбежное на этом пути «крушение цивилизации», по мнению Поланьи, является, в тактическом плане, замедление темпа изменений, навязываемых обществу капиталом, которое могло бы дать общественному организму дополнительное время для адаптации. В стратегическом же отношении ситуация представляется существенно более драматичной: «...именно подчинение экономической системы рынку влечет за собой колоссальные последствия для социальной организации: ни более ни менее как превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика 'встраивается' в систему социальных связей, а социальные связи – в

⁴⁴ См. напр., Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Издательство «Алетейя». 2002. С. 82 и далее. И в частности: «...труд и земля – это не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит всякое общество, и естественная среда, в которой они живут. Включить их в рыночный механизм значит подчинить законам рынка саму субстанцию общества...» (там же. С. 86); «...позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество...» (там же. С. 87).

экономическую систему... Рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе...»⁴⁵ Вытекающие из этого положения угрозы могут быть отведены, по мнению Поланьи, лишь по мере возврата к нормальному состоянию контроля общества над рыночной экономикой. Однако возможен ли такой возврат при столь далеко зашедшем процессе коммерциализации? Возможно ли само существование современного общества вне капиталистической системы мобилизации необходимых для его жизнедеятельности ресурсов, тем более в условиях их растущего дефицита? И, главное, способно ли «рыночное общество», общество капитализма выступить субъектом такой трансформации, т.е. преобразовать не столько капитал как *собственное порождение*, отчужденное и получившее всепроникающую власть над *породившим* его, сколько самое себя, т.е. общество, утратившее представление о своих истинных целях, интересах и потребностях, равно как и способность такое представление формулировать и отстаивать?

В той или иной степени удовлетворительные ответы на эти вопросы можно обнаружить в исследованиях И.Валлерстайна и его последователей, которые, рассуждая диалектически, приходят, в частности, к выводу, что доведение процесса товаризации до его логического завершения, означающее реализацию социальной программы капитализма, станет, вместе с тем, знаком близости конца капиталистической мир-экономики.⁴⁶ Следует, безусловно, согласиться с тем, что всякая социальная форма рано или поздно себя изживает. Не ясно лишь, какое общество в таком случае придет на смену капиталистическому, и сколь катастрофические формы примет переходная эпоха?

Очевидные затруднения при поиске ответов на эти вопросы обусловлены, по-видимому, ограниченностью структурно-динамических характеристик избранной модели, а также последовательным игнорированием возможностей эволюционного подхода применительно к описанию мировой динамики. К примеру, все динамическое содержание мир-системной модели сводится, по существу, всего лишь к двум пунктам: (1) из прежней совокупности достаточно автономных мини-систем мир преобразуется в единую мир-систему западного (исторического) капитализма; и (2) трехчленная структура этой мир-системы (центр–полупериферия–периферия) описывает всю динамику глобальной экспансии капитализма, равно как и его качественных трансформаций на протяжении уже почти пятисотлетия. Столь скромные возможности модели явно недостаточны для описания генезиса капитализма (т.е. тех исторически предшествующих ему форм накопления отчужденных ресурсов развития общества, которые подготовили его появление), равно как и перспектив появления и контуров социально-экономической и политической организации его возможной (и многими ожидаемой) исторической альтернативы в будущем.

Очевидна потребность в принципиальном расширении перспективы анализа, как в историческом, так и в методологическом и проблемном ракурсах, необходимом для выявления эволюционного тренда этого фундаментального процесса социальных трансформаций, в ходе которого на одном из этапов мы наблюдаем возникновение капитализма как основы современного общества. На

⁴⁵ Там же. С. 70.

⁴⁶ А.И.Фурсов. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе). // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008. С. 31.

этом пути возникают, соответственно, две взаимосвязанные задачи: (1) наметить основные эволюционные стадии процесса совершенствования систем накопления общественных ресурсов развития; и (2) выявить основные принципы внутренней организации систем накопления, современных – в первую очередь. Настоящее исследование не предполагает детального продвижения в решении этих задач, – это, скорее, декларация исследовательских намерений, – тем не менее, по этому вопросу необходимо дать минимально возможное пояснение, выстраиваемое «по контрасту» с логикой мир-системного анализа и концепции циклов гегемонии (Дж.Модельски–Дж.Арриги⁴⁷).

Решение первой задачи предполагает более внимательное отношение к изучению эволюции досовременных форм политического господства и структур ресурсной мобилизации.⁴⁸ При этом можно обнаружить последовательный переход посредством продолжительных эволюционных циклов и пространственного смещения центров политического господства – от доминирования производящих и накапливающих (тезаврирующих) империй (деспотий) – к торговым империям (с ослабленным интересом к производству и потому ориентированных на перманентное расширение сферы господства) и от них – к существенно более динамичным, все более стремительно эволюционирующим системам, непосредственно подготавливающим становление капиталистической. А именно – к торгово-производительным империям (производство в которых организуется в качестве вспомогательной функции торговли) и от них – к производительно-торговым империям⁴⁹ (в которых уже внешняя торговля выступает дополнительным средством стимулирования развития внутреннего производства). Именно в форме производительно-торговых империй реализуется заключительный этап «вызревания» и само «порождение» капитализма. При этом, повторю, каждый эволюционный этап сопрягается с более или менее значительным смещением ведущего центра всей совокупной системы накопления (от «старого» центра – к «новому»). Сама же эта совокупная система накопления, длительное время центрированная ближневосточным регионом и Средиземноморьем, в момент «порождение» капитализма резко смещается к Атлантике, на северо-запад Европы.

⁴⁷ См., например: Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan. 1987; Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. N.Y.: Verso. 1994; Arrighi G., Moore J. *Capitalist development in World-historical Perspective. Phases of Capitalist Development: Booms, Crises and Globalization*. L.: Macmillan. 2001.

⁴⁸ Наряду с классическими исследованиями Ф.Броделя здесь следует упомянуть А.Г.Франка (например, Frank A.G. *Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History*. // *Rewiew*. – Binghamton, N.Y., 1990, vol. 13, № 2. P. 155-248), многочисленные работы Р.Коллинза (Collins R.), Н.С.Позова, Дж.Модельски (Modelski G.), М.Мелко (Melko M.) и др.

⁴⁹ В последних двух случаях термин «империя» используется в более широком смысле, нежели обычно, когда подразумевается структура государственного авторитарного подчинения больших и разнородных населенных пространств. В данном случае решающим представляется критерий широкого распространения во всем пространстве, охваченном взаимодействием имперского центра, как правило, великого торгового града или даже сети таких городов, его (их) цивилизующих импульсов, дисциплинирующих «варварскую периферию» и вовлекающих ее в отношения товарного обмена.

Основные принципы продвижения в решении второй задачи определяются необходимостью более дифференцированного подхода к структурному описанию современного капиталистического миропорядка, рассматриваемого в эволюционной динамике. Введение представлений о мировых центрах и интегрированных псевдосубъектах накопления, образующих самосогласованную систему центров политической и экономической силы, в свою очередь подразделяемых на центр-лидер и противочентр, позволяет вовлечь в исследовательский процесс дополнительные когнитивные ресурсы, обнаружить принципиально значимое движущее противоречие развития современной мировой системы, чувствительное к симптомам собственной критической внутренней трансформации перед перерождением в нечто принципиально иное.⁵⁰

В качестве лишь одной из ожидаемых иллюстраций многочисленных возможностей, возникающих при использовании такого системно-эволюционного подхода к анализу «болевых вопросов» теории капитализма, рассмотрим проблему системного источника накопления капитала. Благодаря предложенному подходу мы получаем возможность взглянуть на процесс накопления не как на банальный «грабеж периферии», а как на системный механизм «понуждения к развитию», способный обеспечить повсеместно – для всех сообществ, вовлекаемых в этот обмен путем продвижения, а порою и

⁵⁰ Возникновение мировых центров политической и экономической силы (центров глобального миропорядка) синхронизировано во времени и функционально сопряжено с процессом модернизации. Становление этих центров, преодоление ими локальной ограниченности, обретение глобальной политической перспективы было бы невозможным без возникновения более эффективных, в конечном итоге – глобальных механизмов мобилизации ресурсов самовозрастания капитала. Именно формирование эффективных механизмов такой мобилизации превращает эти центры из локальных в мировые, резко расширяя границы их политического и экономического влияния, обеспечивая мировой системе стимулы эволюционного усложнения. Каждый из этих центров проходит в своем развитии цикл от зарождения до расцвета и максимального доминирования, а затем, уступает позиции новым центрам силы. Но при этом отнюдь не «сходит на нет», а, сохраняясь в качестве структурного элемента системы, занимая свою особую морфологическую нишу, достраивая и структурно усложняя ее целостность. Одним из наиболее значимых проявлений движущего противоречия развития современной мировой капиталистической системы является феномен трансляции лидерства (происходящее в историческом масштабе времени перемещение ведущего центра системы: ...Соединенные Провинции – Соединенное Королевство – Соединенные Штаты – ...), и, соответственно, трансляции противочентра-антагониста, функционально неотъемлемой части системы (Франция – Германия – Россия /СССР/ – Китай). Ярким симптомом назревшей критической внутренней трансформации мировой системы служат сегодняшние затруднения и своего рода «задержка в срабатывании» этого механизма трансляции, драматическое нарастание не находящих разрешения противоречий текущего глобального кризиса. Подробнее, см.: Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы). // Полис, 1999, № 4. С. 42-59; Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противочентра». // В сб. «Мегатренды мирового развития» под ред. М.В.Ильина, В.Л.Иноземцева, М.: «Экономика». 2001. С. 207-234; Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М.: Издательство «Олита». 2004; Лапкин В.В. Императив концептуализации глобальной динамики в эпоху великих потрясений. // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009 / Российская ассоциация политической науки (гл. ред. А.И.Соловьев). М.: РОССПЭН. 2010. С. 138-153.

насаждения соответствующих институтов, – резкое ускорение социальной динамики. «Неэквивалентность» обмена есть в данном случае прямое следствие гетерогенности соответствующей торговой сети, которая становится в этом случае средством распространения социальных и хозяйственных практик, преодолевающего прежние системные границы посредством рыночной экспансии. Это продвижение сопряжено порой с весьма жесткими и даже жестокими методами стимулирования самоизменения социальных систем, включающихся (или включаемых) в эти отношения обмена. Ключевая особенность такого подхода к пониманию процессов накопления, в сопоставлении с представлениями о радикально поляризованной иерархической структуре «центр – полупериферия – периферия», предполагающей концентрацию «субъектности» в «центре» и ее практическое отсутствие «на периферии», в том, что этот классический для мир-системного анализа подход по существу теоретически увековечивает сложившуюся в мире капитализма иерархию, блокирует исследование эволюционных перспектив совокупной социально-политической системы, интегрируемой мировым рынком, процессов трансляции мирового лидерства и исторических метаморфоз миропорядка. Характерно, что территориальное расширение капиталистической системы, активное освоение ею «мировой периферии» не только интенсивнейшим образом трансформировало соответствующие сообщества и локальные экономические системы, принуждая их к внутренней дифференциации и внешней интеграции, но и способствовало глубоким эволюционным изменениям глобальной структуры капитализма. В ряде случаев (Россия, Китай, Индия?) это приводит к формированию новых субъектов «внутренней» эволюции самой капиталистической системы, способных «бросить вызов» ее прежней, исторически сложившейся иерархии, ее классическим «центрам».

ФОРМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ: КАТЕГОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

...Современный капитализм – не просто тип 'цивилизации', равный среди прочих себе подобных... Будучи исторически первым и воистину всемирным типом социетальной организации, капитализм есть результат непоследовательности (или 'прерывности') в развитии Запада...

Э.Гидденс. «Устроение общества. Очерк теории структуриации»

Стремление к непрерывному самовозрастанию, саморасширению (selfexpansion, self-regarding process⁵¹), как важнейшая характеристика природы капитализма, в социальном и историческом отношении проявляется в запечатленном во множестве исследований, начиная с ранних этапов его восхождения, экспансионизме. Объектом этой экспансии становятся как породившая его социальная система, так и другие сообщества, в той мере, в

⁵¹ С методологической точки зрения интересным представляется сопоставление такого рода процессов с хорошо изученными физиками самоподобными процессами. О динамических характеристиках последних, описывающих ряд важнейших аспектов социальной динамики, см., напр. Капица С.П. Общая теория роста человечества. М.: Наука. 1999.

которой они оказываются *практически* привлекательными для капитала, имея в виду его фундаментальный интерес. Эти два основных тренда экспансии капитала концептуализируются *принципиально* *различным* образом. Экспансия вовнутрь, ведущая к проникновению капиталистических порядков во все более фундаментальные пласты общественных отношений, перестраивающая общество, его институты, его культуру, поведенческие нормы, потребительские стереотипы, систему социальных коммуникаций и пр.,⁵² – находит адекватное отражение в концепте *модернизации*. Он воплощает единство процессов рационализации, коммерциализации, урбанизации, и описывает, в классической интерпретации, переход от традиционного общества к современному. Внешняя экспансия, направленная на освоение новых пространств, их интеграцию в единое, уже сформированное капиталом пространство мирового рынка, – концептуализируется в рамках представлений о глобализации (или, ранее, интернационализации).

Политическим и социальным инструментом, материализовавшим способность капитализма к такой двуединой экспансии, стал возникший в XVII в. исторически уникальный тип государственности: государство-нация. Такое государство являлось воплощением императивов капиталистического накопления благодаря возникновению, во-первых, *внутреннего рынка*, им организуемого и институционально обустриваемого, а во-вторых, *международной системы суверенных государств*, обеспечивающей взаимную легитимацию и международно-правовой порядок в отношениях между ее членами, а также утверждающих принцип однозначной территориальной юрисдикции.⁵³ С этой поры обеспечение контроля капитала над государственной властью (путем политической борьбы, нацеленной на завоевание власти) становится важнейшей стратегической целью его агентов. А распространение этого контроля на общество в целом оказывается главным мотивом и целью *модернизации*.

К ключевым характеристикам этого сформировавшегося и повсеместно распространившегося идеального типа национального государства Э.Гидденс относит четыре основных институциональных кластера современности: капитализм, индустриализм, монополию государства на легитимное применение насилия и эффективные практики контроля над людскими массами, составляющими национальное сообщество.⁵⁴ Отметим, что в этом наборе все четыре институциональных кластера олицетворяют собою средства экономического и политического контроля и дисциплинирования общества соответствующими субъектами рынка и капиталистического государства, а также направления принудительной трансформации «классического западноевропейского общества модерна» XVII-XVIII вв., равно как и

⁵² «...Современные социальные институты в ряде отношений являются уникальными, то есть отличаются от любых типов традиционного социального порядка...» (Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Практикс», 2011. С. 113).

⁵³ Ее основой, как хорошо известно, стала так называемая Вестфальская система, сформировавшаяся по итогам Тридцатилетней войны, завершившейся в 1648 г., и зафиксировавшая достигнутое тогда состояние *равновесия* европейских держав. В дальнейшем многие ключевые принципы этой системы, постепенно дополняющиеся с учетом геополитического расширения сферы капиталистической экспансии, обрели статус доминирующих в мировой политике.

⁵⁴ Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press. 1985.

традиционных незападных обществ. При этом институциональные и акторные возможности демократического контроля общества за деятельностью рыночных и государственных структур в этом наборе не представлены вовсе, а рассматриваемая в историческом аспекте соответствующая трансформация не предусматривала какой-либо демократически изъявленной общественной санкции на преобразование (как минимум, за отсутствием соответствующих практик и процедур, позволяющих ее выявить).

В итоге индустриализация обеспечила пауперизацию прежних «средневековых» укладов, перетекание рабочей силы в города, формирование массовых «армий наемного труда», легко управляемых и контролируемых централизованными структурами рынка и капиталистического государства. Потребности капиталистического накопления повсеместно стали ключевым фактором общественной трансформации, определяющим основные общественно значимые цели развития и ценностные приоритеты трендов культуры и образования. Всевозможные формы полицейского, фискального, идеологического и «потребительского» контроля, ориентированные на эксплуатацию фобий, мифологем, предрассудков и поведенческих стереотипов массового общества, обеспечили его надежное дисциплинирование и переориентацию на сомнительные (с позиции общественного интереса) цели «сверхпотребления», гедонизма и атомизированного индивидуализма.⁵⁵ При этом реальные угрозы интересам развития общественного потенциала, порождаемые практиками коммерциализации и рыночной экспансии, долгое время оставались нераспознанными обществом, эффективно камуфлируемые этими надзирающими и контролирующими институтами государства и рынка. Наконец, «разоружение» общества, отчуждение государством права коммун (community) на самостоятельность в вопросах поддержания правопорядка на местном уровне⁵⁶ сделало локальные сообщества бессильными перед натиском универсального общественного порядка и общечеловеческих ценностей.⁵⁷ Сегодня этот порядок и эти ценности насаждаются уже не только в странах Запада, но и повсеместно, и не только методами «*soft power*», но и – «принуждения к демократии» и «гуманитарных интервенций». В целом же посредством продвижения по этим четырем направлениям последовательно осуществляется задача отчуждения от общества всех доступных ему прежде форм самозащиты от натиска тотальной рыночной коммерциализации.

Картина результирующего процесса, в версии Гидденса, поистине устрашающая. Сопоставляя «феноменологические изображения современности» по Веберу («‘железная клетка’ бюрократической рационализации») и Марксу («Маркс, возможно, более ясно, чем кто-либо из его современников, представлял, насколько страшным и необратимым будет влияние современности»), Гидденс пишет: «...современность была для Маркса тем, что Хабермас метко назвал ‘незавершенным проектом’. Монстр мог быть

⁵⁵ «...Капитализм является иррациональным способом движения к современному миру, поскольку он использует капризы рынка для контролируемого удовлетворения человеческой потребности...» (Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. С. 279).

⁵⁶ Исключение здесь, в некотором отношении, представляют лишь США с их отчасти сохранившимися на местах реликтами милиционной системы.

⁵⁷ Таковыми, в конечном счете, оказываются лишь ценности «универсальной цивилизации» (см. ниже в этом разделе) и коммерциализированного общества, выстроенного на принципах рыночного обмена и тотального отчуждения.

укрошен, поскольку то, что создано людьми, всегда может быть поставлено под их контроль...». Однако иррационализм капиталистического движения к современности побуждает Гидденса сменить ее изображения, предлагавшиеся ранее Марксом и Вебером, на иное, – «...неудержимой машины невероятной силы, которой мы, люди, в определенной степени можем совместно управлять, но которая... угрожает быстро выйти из-под нашего контроля и расколоться на части. ...И хотя кажется, что она движется в каком-то определенном направлении, время от времени случается так, что она беспорядочно меняет направление своего движения совершенно неожиданным для нас образом. Это движение ни в коем случае не является совершенно отталкивающим и бесполезным; часто оно может быть возбуждающим и исполненным надежд. Но пока существуют институты современности, мы никогда не сможем целиком и полностью контролировать ни направления, ни темп этого движения. В свою очередь, мы никогда не будем чувствовать себя в полной безопасности, так как местность, по которой проходит этот путь, грозит нам весьма серьезными рисками. Чувства онтологической безопасности и экзистенциальной тревоги будут и далее сосуществовать в их двойственности».⁵⁸

Не менее драматические перспективы современности вырисовываются и при продвижении в русле подходов Х.Ортеги-и-Гассета, обозначившего характерный для человека путь временного отвлечения от окружения и самоуглубления, сопряженного со способностью «воздействовать на вещи, преобразовывать мир, строя вокруг себя некую зону надежности, которая, несмотря на присущую ей ограниченность, постоянно или почти постоянно росла и ширилась».⁵⁹ Эта логика выстраивания зон надежности /безопасности/ обуславливает тренд преобразования мира, а равно и вещный ракурс освоения окружающего, распространяемый и на все те «людские массы», не демонстрирующие, по тем или иным причинам, альтернативной субъектности, т.е. не проявляющие способности к выработке и реализации конкурирующих стратегий преобразования мира в логике «технического прогресса». Эти «людские массы», предстают в такой логике лишь «вещами», наряду с природными богатствами и товарными запасами, формируя пресловутый «ресурсный потенциал» для развития техники и охватывающих всю планету глобальных зон надежности «современного человечества».

Расцвет политической науки во второй половине XX в. дал многочисленные концептуальные схемы перехода традиционных обществ к современности. Это и «девелопменталистский» подход, и модели мобилизации политических ресурсов развития, и концепция нового институционализма, и теории демократического транзита... Однако применительно к любому из этих концептов справедливо суждение М.Догана, одного из авторов книги «Политическая наука: новые направления»: «Политологи по-прежнему считают национальное государство основной единицей анализа...».⁶⁰

Между тем, поразительная согласованность движения современного мира, погруженного в глобальные информационные сети, по пути социальной

⁵⁸ Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. С. 278-279.

⁵⁹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М.Руткевича. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир». 2000. С. 486-487.

⁶⁰ Доган М. 1999. Политическая наука и другие социальные науки. // Политическая наука: новые направления. М.: Вече. С. 128.

трансформации и нормативно-ценностной унификации побуждает к поиску более адекватной «оптики» рассмотрения существа и причин столь согласованной и стремительной мировой динамики. Дополнительной «подсказкой» может стать то обстоятельство, что наиболее динамичной сферой перемен является даже не экономика или ее сердцевина – мировые финансы, а культура (в том числе и ее религиозно-конфессиональные составляющие) и сопряженные с нею аспекты политики, прежде всего те, что так или иначе связаны с современным многогранным кризисом идентичности.⁶¹

В качестве одной из возможных интерпретаций современного глобального кризиса развития представляет интерес предположение о нарастающем *несоответствии Запада своему историческому предназначению*, рассматриваемому, естественно, с глобальных и универсалистских позиций. Причина такого несоответствия коренится не столько в дефектах капиталистической экономики (кризисах, социальных дисфункциях и т.п.), сколько – в глубоко двойственной природе западной цивилизации Нового времени (сочетающей в себе элементы культурной самодостаточности с несвойственными другим цивилизациям элементами «культурной экспансии»), что обусловлено уникальным характером ее эволюции. Прежде «равная среди равных», в последние столетия она потеснила и на какой-то период даже затмила все прочие цивилизации. Ее экспансия «поспособствовала» гибели или глубокому упадку многих из них. Так автохтонные цивилизации Центральной и Южной Америки были фактически стерты с лица Земли, а развитие ряда крупнейших и древнейших цивилизаций Азии и Африки, – цивилизаций Индостана, Персии, Аравии, Магриба, Эфиопии и др., – надолго вошло в полосу стагнации и мучительного приспособления к вызовам Запада. По сути дела, «локальная» западноевропейская цивилизация обнаружила черты цивилизации «универсальной», эволюционно более приспособленной к капитализму и получающей за счет этого решающие конкурентные преимущества в борьбе за глобальное культурное пространство. Характерно, что долгое время под мировой историей понималась почти исключительно (древнейшие времена – не в счет) история мировой экспансии западной цивилизации. Вся мировая история последних столетий воспринималась как бы «сквозь западную оптику».

Можно указать на множественные предпосылки становления этой «универсальной цивилизации» именно на основе западноевропейской. Это и исходное состояние «цивилизационной гетерогенности» в период после падения Рима, своего рода «исторического котла», в котором смешиваются, но не достигают однородности различные цивилизационные потоки, пытающиеся освоить «Римское наследие». Это и уникальная роль единой католической церкви, структурно предстающей в виде феодализованной теократии, соединяющей сакральную вертикаль с горизонтальной сетью договорных отношений⁶² и обусловившей усвоение Западной Европой культурного и политико-правового наследия римской цивилизации. Это и противоречивое

⁶¹ Лапкин В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности. // Политическая идентичность и политика идентичности»: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / (отв. ред. И.С. Семененко). С. 16-41.

⁶² См.: Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. В 3-х ч. М.: МГИМО, 1995, Ч. II-III. С. 24-29.

сочетание культурно-цивилизационного единства элиты (католичество, латынь, рыцарство) с крайней языковой и культурной гетерогенностью простонародья. Эти и многие другие обстоятельства не позволили сложиться в ее пределах сколько-нибудь могущественному имперскому административному центру, и вместе с тем благоприятствовали развитию рыночных механизмов интеграции. Безуспешность (на протяжении многих веков) попыток формирования общеевропейской властной доминанты в условиях ограниченности свободных территорий и доступных природных ресурсов жестко обуславливали в качестве императива выживания народов Западной Европы формирование эффективных механизмов разрешения конфликтов и политической толерантности. Как известно, решающий толчок процессу выработки универсальных принципов согласия придали потрясшие Европу в XVI-XVII вв. социальные катаклизмы и войны, связанные с Реформацией и капиталистической трансформацией средневекового общества.

Иными словами, в основе последующих успехов мировой экспансии западной цивилизации оказался уникальный опыт ее «адаптации к капитализму». Исходя из этнической и культурной разнородности и пройдя через период глубочайших культурных, конфессиональных и социальных преобразований XVI-XVII вв., в течение XVII-XX вв. она выработала универсальные по своему потенциалу механизмы преодоления межконфессиональных, межкультурных, а в перспективе – междивизиационных противоречий. Суть их – в эффективной институционализации конфликтов, а также в способности, выработанной в условиях всепроникающей коммерциализации, редуцировать содержательную составляющую конфликтующих позиций к простейшей и в этом смысле универсальной основе.

Важнейшие вехи западноевропейской истории последних веков представляют собой драматические этапы формирования сложной межэтнической и междивизиационной общности, способной вырабатывать все новые механизмы интеграции и решения разнообразных конфликтов. Специфика этих новых форм и принципов общения, в том числе и с цивилизационно чужеродной внешней средой, – прежде всего в утверждении и развитии «абстрактных» и «формальных» (и потому универсальных) институтов, таких как частное право, рынок, всеобщее избирательное право, разделение властей и т.п. Подобные «абстрактные», «формальные» институты в наибольшей мере способствуют универсальному и в этом смысле максимально «упрощенному» общению; обратной стороной этой универсализации является неизбежное упрощение и нивелировка личности, ее культурных предпочтений и идентификационных паттернов. В условиях всеобъемлющей коммерциализации агентам рынка не важно, какие именно потребности, сформированные в рамках какой именно культурно-цивилизационной общности, они обслуживают; универсальным условием «роста продаж» является стандартизация и «омассовление» этих потребностей, приведение их к единому знаменателю. В этом во многом и состоит «секрет» универсальности механизмов, сформировавшихся в рамках западноевропейской – и шире – западной цивилизации, единство и целостность которой в конечном счете неразрывно связаны с ее интегральностью, структурным динамизмом и сложностью, многомерной внутренней дифференциацией. Речь, иными словами, идет о своеобразной мутации западноевропейской цивилизации, в результате которой она обрела

немыслимые для «исторических империй» и «традиционных цивилизаций» прошлого возможности интеграции инородного культурного, социально-политического, хозяйственного опыта, что открыло перед ней по существу глобальные возможности экспансии и освоения внешних миров.

Эта новая цивилизация возникает как бы «поверх» старой, как своеобразная «надстройка» над ней, прорастая сквозь нее и не уничтожая, а лишь оттесняя ее на периферию социальной жизни.⁶³ Модернизация, собственно, и есть другое наименование для процесса этой цивилизационной «мутации», преобразования традиционной цивилизации в форму цивилизации «универсальной»⁶⁴, в которой традиционные, «унаследованные» элементы сохраняются как бы «в снятом виде», но которая со временем обретает все большую самостоятельность и качественную определенность относительно своей прародительницы – западноевропейской цивилизации.

Ярко выраженная внешнеполитическая открытость, способствующая повсеместному распространению западноевропейского политического и экономического порядка в качестве универсального, совместимого даже с чужеродной цивилизационной основой, в сочетании с продвижением институтов и практик либеральной демократии в совокупности обеспечили динамическую устойчивость процесса модернизации держав-лидеров Запада и их лидирующие позиции в глобальном модернизационном развитии.

⁶³ «Надзор – сбор информации..., становится ключевым механизмом, способствующим разграничению социальности системной интеграции. Не исчезая полностью, традиционные порядки 'истощаются' под воздействием кодифицированных административных практик, пронизывающих повседневную жизнь...» (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 265).

⁶⁴ Под «универсальной цивилизацией» следует понимать прежде всего динамичное и интегрированное на основе развития современных политических и экономических институтов сообщество современных наций, выступающих как единое и подчас даже «замкнутое» геоэкономическое и геополитическое образование (см. напр. концепт «золотого миллиарда»). В то же время термин «универсальная цивилизация» может обозначать и институциональную «надцивилизационную надстройку», интегрирующую успешно модернизирующиеся общества, принадлежащие к разным цивилизациям. В известном смысле в понятии «универсальной цивилизации» можно усмотреть и возможность преодоления ставшей уже классической оппозиции стратегий развития общества: *уникальность* (путь исторических цивилизаций) vs *универсальность* (путь модернизации). Универсальная цивилизация при таком понимании оставляет обществу возможность совмещения *универсальных* институциональных рамок саморазвития с *уникальным* ценностно-культурным своеобразием. Очевидно, что понятие «универсальная цивилизация» принципиально отличается от понятия «мировая цивилизация», под которой обычно понимают цивилизацию, охватывающую все страны мира. «Универсальная цивилизация» лишь потенциально ориентирована на интеграцию всего мира, но актуально – только на современные, успешно модернизирующиеся государства-политии. Обратим внимание на характерный симптом присутствия элементов цивилизационной природы в функционировании этого образования. Им является приверженность его политических лидеров целям цивилизующей *миссии* продвижения модернизации во все уголки Земного шара. Это обстоятельство, к тому же, решающим образом свидетельствует о теснейшей взаимосвязи – родстве, если не симбиозе, – двух проектов, Современности и Универсальной цивилизации.

Ценою этого, как известно, стал кризис средневекового религиозного мирозерцания, глубочайший религиозный и культурный раскол Западной Европы, а впоследствии – широко распространившийся в западном обществе «отказ от религии», своего рода «атеистическая культурная революция», всемерное распространение светской культуры, сопровождающееся ощущением утраты прежней цивилизационной идентичности. И, в конце концов, – трансформация религиозности в ее тень, в культурную традицию, все более беззащитную перед напором агрессивной «массовой культуры», возросшей, по существу, уже на новой цивилизационной основе, на основе «универсальной» и нивелирующей культурные различия (часто ценой подавления более высокой культуры) технологической цивилизации современного капитализма. Трансформация ценностных основ западного общества выдвинула на первый план ценности рационализма и научного знания⁶⁵. Символами Запада стало технологическое лидерство, основанное на ставшей практически перманентной научно-технической революции. Но технология как способ разрешения проблем и конфликтов, безотносительно их «натуральной» составляющей оказалась причиной нескончаемых потрясений основ человеческой цивилизации и культуры, таких как промышленные, финансовые, экологические, геополитические, демографические и иного рода кризисы. Ее отчужденная от человека логика непрестанно являет собой вызов традиционалистскому сознанию; диктуемое ею нивелирование «агента производства» порождает глубочайшие противоречия и обуславливает драматические расколы и конфликты в обществе, кризис культуры и ее «отступление» под напором агрессивного «масскульта».

Важно отметить и отнюдь не всегда очевидную диалектику взаимоотношений этой универсальной цивилизации и нации-государства. В сущности процессы формирования нации-государства как субъекта политики и становления «над-цивилизационного» сообщества протекали параллельно, взаимодействуя и дополняя друг друга. Новый мощный импульс этим процессам был дан трансформациями глобального миропорядка, запущенными перестройкой СССР и последующим крахом Системы социализма. Анализ этих трансформаций выявляет скрытый доселе потенциал двуединого процесса модернизации–глобализации и позволяет уточнить его ключевые эволюционные фазы. Основными этапами этого процесса являются, во-первых, европейская социальная революция XVI-XVII вв., давшая первоначальный импульс мировому процессу модернизации, сформировавшая предпосылки современных политических институтов и политических практик, а также заложившая основы западноевропейской стратегии внешней колонизации, в глобальном масштабе мобилизующей ресурсы докапиталистических сообществ для нужд капитализма; во-вторых, промышленная революция конца XVIII (Великобритания) – сер. XIX вв. (континентальная Европа) и сопровождающие ее революционные преобразования большинства ведущих мировых держав, предуготовляющие их к функционированию в рамках зарождающейся глобальной системы центров силы; наконец, в-третьих, революционные преобразования миропорядка в конце XX в., предельно откровенно выявившие

⁶⁵ Отметим важность концепта *Rational Choice (Public Choice)* в качестве идеологической и теоретико-методологической основы формирования дискурса универсальной цивилизации как социального, культурного и политического феномена, со своими специфическими, также претендующими на универсальность нормами, системой ценностей и деятельностных установок.

глобальную, наднациональную природу доминирующих в мировом развитии интеграционных тенденций.

Процесс глобальной экспансии этой универсальной цивилизации отнюдь не линейен. Более того, ее становление сопровождалось целой чередой глубочайших кризисов, когда многим весьма проницательным исследователям (таким, например, как О.Шпенглер или К.Поланьи) казалось, что она терпит крах, и ей на смену приходит нечто принципиально иное. Так, К.Поланьи начинает свою эпохальную «Великую трансформацию...», вдохновенную мировой катастрофой 1930-х – начала 1940-х годов, констатацией крушения «цивилизации XIX в.», «цивилизации особого типа», «источником и порождающей моделью» которой был «саморегулирующийся рынок».⁶⁶ Собственно, авторской целью и являлось «...исследовать институциональный механизм крушения /этой/ цивилизации».⁶⁷ Однако ее жизнеспособность превзошла все ожидания. Более того, средством ее «возрождения» и последующей еще более энергичной экспансии стало именно то, что Поланьи рассматривал в качестве шанса общества на восстановление своего контроля над всеильным саморегулирующимся рынком, – социально ориентированная политика. Социальное государство второй половины XX в. стало той эволюционной инновацией универсальной цивилизации, которая помогла ей выйти на новый уровень глобального могущества. В последнее десятилетие (и особенно ощутимо с 2008 г.) мир универсальной цивилизации вступил в очередной кризис; призрак ее «крушения» вновь зримо явился взору исследователей. Тем не менее, потенциал ее жизнеспособности еще далеко не исчерпан.⁶⁸ Ее восстановление в обновленном формате представляется неотвратимым... Более того, в известном смысле все последние четыре века – лишь *переходная эпоха* к зрелой фазе капиталистической цивилизации.

⁶⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Издательство «Алетейя». 2002. С. 13.

⁶⁷ Там же. С. 14.

⁶⁸ Шпенглеровская метафора «осени» цивилизации, впоследствии развитая В.Л.Цымбурским (Цымбурский В.Л. Европа – Россия: «третья осень» системы цивилизаций. // Полис, 1997, № 2. С. 56-76), представляется в этом контексте весьма содержательной. В.Б.Пастухов в развитие соответствующих образов предложил еще одну метафору – культуры, «садящейся на собственную почву» (Пастухов В.Б. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России. // Полис, 2011, № 1. С. 8). С учетом тезиса Шпенглера о цивилизации как неизбежной судьбе культуры (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. М.: Мысль. 1993. С. 163) эта «посадка на собственную почву», означает, применительно к универсальной цивилизации, окончательное становление коммерциализированного общества, успешно завершающего вытеснение всякого рода нетоварных практик взаимности и перераспределения из сферы отношений между социализированными индивидами. Перераспределение при этом обретает характер политического и становится исключительно функцией соответствующих структур социального государства, а общество принуждается к самоотчуждению своих естественных, сущностных функций интеграции и консолидации людей – капиталистическому государству. Тем самым метафора «осени» становится релевантной не только сегодняшнему состоянию капиталистической универсальной цивилизации, но и капиталистического общества как фундаментальной и всеобъемлющей структуры существования современного человека.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

...Культура имеет значение.

Л.Харрисон

То, что можно рассматривать как эпоху глубочайшего кризиса традиционной западной цивилизации и культуры (позиция, которую в той или иной мере разделяли многие западноевропейские философы и культурологи начала XX вв., в том числе О.Шпенглер⁶⁹, А.Тойнби⁷⁰, П.Сорокин⁷¹), с иной точки зрения представляется триумфом прогресса, *началом восхождения* собственно Современного универсального мирового порядка. И чем глубже проступал этот кризис «старой Европы», тем яснее становились очертания основ и принципов новейшей цивилизации, цивилизации техники и промышленного капитализма, постоянно обновляющихся технологий и коммуникативных средств, непрерывно возрастающего и самоподдерживающегося накопления ресурсов развития, всеобщей, в том числе и культурной унификации и универсализации, – всего того, что собственно и составляет содержание процесса глобализации. Веберовский «дух» капитализма, преобразовавший европейскую цивилизацию, дал Европе средства преобразования всего мира. Накопленный торговый капитал позволил ей овладеть мировым рынком, а с помощью капитала промышленного, с помощью индустрии Европа получила средство преобразования основ общественной жизни повсюду, где возникали с ее помощью очаги индустриализации.

Но уже с середины XIX века, – при первых попытках выйти за пределы собственного цивилизационного ареала, предпринимаемых индустриальной цивилизацией Запада, – промышленный капитализм столкнулся с серьезными социоисторическими ограничениями возможностей своей мировой экспансии. Именно эти проблемы, нараставшие (с конца XIX в.) по мере распространения индустрии за пределы западного культурно-исторического и хозяйственного ареала, дали импульс формированию цивилизационной парадигмы, противостоящей популярной прежде концепции «линейного прогресса». Основная проблема, как ее чуть позднее обозначил А.Тойнби⁷², заключалась в том, что успешная экспансия западной цивилизации за собственные цивилизационные пределы подталкивала страны, служащие объектом такой экспансии, к частичной, функциональной модернизации, сопряженной с усвоением некоторых особых элементов западной цивилизации. Соответствующие модернизационные преобразования заключались, с одной стороны, в приспособлении форм массового производства к местной цивилизационной специфике и тем самым в продвижении техники и технологии Запада в новые социокультурные регионы, а с другой стороны, в освоении (как

⁶⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. М.: Мысль. 1993; Т.2. М.: Мысль. 1998.

⁷⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. – 2-е изд. – М. Айрис-пресс. 2002.

⁷¹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат. 1992.

⁷² Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура»; СПб.: Ювента. 1995. С. 52-68, 129-134.

правило – имитационном) политических форм современной демократии. В то же время процессы социокультурной вестернизации (сопряженные с процессами модернизации и даже, быть может, неизбежно сопутствующие ей), вторжение элементов не до конца редуцированной западной культуры в инородное цивилизационное пространство как правило вызывали резкую реакцию отторжения.

Внешне всякий раз такой пароксизм отторжения проявляется в форме глубокого кризиса экспансионистской стратегии европейского (а ныне – мирового) капитализма, «откатах» демократии и т.п. Но эволюционный смысл этих кризисов в том, что, преодолевая их, формирующаяся в рамках универсальной цивилизации система центров силы совершенствует соответствующий «фермент разложения» до-современных сообществ и их хозяйственных массивов, втягиваемых в сферу глобальной политики и экономики.

Сегодня человечество переживает уже третий такой кризис. Первый – в конце XVIII – начале XIX вв., – когда утверждалась мировая гегемония Великобритании, как державы, сумевшей дополнить свои лидерские позиции в мировой торговле инновационной мощью *промышленного капитализма*. Реакцией на экспансию британского промышленного капитализма стал тогда всплеск **национализма** на всем пространстве западноевропейского континента, завершившийся объединением Италии, формированием Германской империи и окончанием эпохи «перманентных гражданских войн» во Франции.

Второй кризис связан с нашествием (в конце XIX – начале XX вв.) тяжелой индустрии на пространства Центральной и Восточной Европы, а также России. Победы индустриализации в этих странах обернулись **«социализмом»**, этим своеобразным инструментом модернизации в отсутствии нормальных условий формирования буржуазного предпринимательского класса (такая частичная, заведомо неполноценная модернизация, направляемая политикой «социализма», зачастую осуществлялась в «неклассических» антибуржуазных формах, как, например, в России после 1917 г.⁷³). В свою очередь, преодоление этого кризиса связано как с крахом тоталитаризма в Германии и ее возвращением в консолидированную семью «западных демократий», так и с окончательным отказом СССР от реализации дестабилизировавших Запад проектов «мировой революции».

Новый экспансионистский рывок «универсальной цивилизации» в конце XX – начале XXI вв., превосходящий предшествующие как широтой, глобальностью цивилизаторских претензий Запада, так и глубиной проникновения практик современного капитализма в самые интимные сферы фундаментальных укладов незападных цивилизаций, прогрессирующей десекуляризацией мира, вовлек мир в кризис еще более глубокий. В основе этого кризиса – фундаментальные проблемы культурного и религиозного неприятия незападными цивилизациями форм и методов западной экспансии, что в своих умеренных проявлениях ведет к актуализации цивилизационной и конфессиональной принадлежности в качестве источника самоидентификации индивида. Возрастает значение цивилизационного фактора в мировой политике, обусловленное в том числе и тем, что прежние факторы стабилизации мировой системы, в частности, двуполюсность глобального геополитического пространства, себя исчерпали, а сама «универсальная

⁷³ Подробнее см. Гл. 5.1. настоящей монографии.

цивилизация» переживает острый кризис прежней парадигмы лидерства, что сопровождается полосой глобальных геополитических и геоэкономических потрясений. Характерное для этого периода ослабление регулятивных функций универсальной системы международных взаимодействий способствует повышению значимости ранее почти не востребуемых структур низшего (в сопоставлении с универсальной цивилизацией) порядка сложности, в нынешнюю эпоху – сохраняющихся на периферии мир-системы цивилизаций.

При этом формой радикального ответа на вызовы универсализма становится **фундаментализм** как основная форма протестной мобилизации традиционалистского общества, возбужденного экспансией универсалистских ценностей.⁷⁴ Сегодня наиболее яркие проявления исламского фундаментализма; вместе с тем, стремление социальных групп к «радикальной консервации» старого порядка может проявляться и в других формах, не обязательно религиозных. Связь фундаментализма с той или иной конфессией характерна лишь для последних десятилетий, тогда как в 1950-1970-е годы преобладал социальный фундаментализм (многочисленные «левацкие» движения в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и Тропической Африке). Характерна диалектика фундаменталистского протеста, провоцирующего открытый конфликт тех или иных вступивших на путь модернизации макросообществ с Западом. Исходя из желания законсервировать традиционный порядок, эти движения на практике способствуют формированию эффективных средств погрома собственной культуры и форсированного разложения традиционного общества (созидательные задачи социальной консолидации на современных основаниях такие движения, как правило, решать не в состоянии).

И европейский национализм XIX в., и российский (или, если так можно выразиться, евразийский) социализм XX в. проявили себя в истории как мощные орудия низвержения старых элит и разрушения традиционных укладов в соответствующих странах. Главный итог их исторического существования – беспощадная нивелировка прежних социокультурных различий и радикальное уничтожение тех пластов культуры, которые «не вписывались в универсалистский контекст». Есть основания полагать, что и сегодняшний кризис разрешится – в отношении регионов, избравших фундаментализм в качестве средства самопреобразования – тем же, т.е. движением, через открытый конфликт с Западом, – в исторический тупик.

Что же касается посткризисных перспектив самой универсальной цивилизации, то они обусловлены в первую очередь тем, насколько она окажется успешной в преодолении своей нынешней внутренней ограниченности, неполноты универсализма, сохраняющихся в ее «генофонде» реликтов не до конца редуцированной западноевропейской культуры. Способна ли она будет полностью эмансипироваться от своей цивилизационной природы, той, на основе которой в свое время сформировался исторический капитализм? Ответить на этот вопрос вряд ли возможно априорно. По внутреннему драматизму он равносителен вопросу: может ли человек эмансипироваться от собственной биологической природы?

Тем не менее, в своем развитии универсальная цивилизация подошла к тому рубежу, когда только посредством такой эмансипации она могла бы обрести столь чаемую перспективу необратимой интеграции и «освоения»

⁷⁴ «Фундаментализм – дитя глобализации...» (Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир». 2004. С. 66).

всего сегодняшнего многообразия сохраняющих цивилизационную специфику регионов и формирующихся на их основе региональных экономических и политических союзов.⁷⁵ Однако, эта задача оказывается на порядок более сложной, чем предыдущая, обусловленная преодолением «системного противостояния» капитализма и социализма. Социализм – при всей серьезности и основательности брошенного им вызова «миру капитала», на поверку оказался его редуцированным подобием. В формах «реального социализма» осуществлялась попытка реализации альтернативного, «безбуржуазного» пути накопления капитала. Попытка, как мы теперь с уверенностью можем констатировать, безуспешная. Что же касается социалистического движения в целом, то напомним сказанное И.Валлерстайном: «...мировое социалистическое движение, а по сути – все формы антисистемных движений, так же как и все революционные и/или социалистические государства, сами являлись интегральным продуктом исторического капитализма...».⁷⁶

Теперь же универсальная цивилизация, или проект Модерна столкнулась не с собственным порождением (каковыми были и европейский национализм, и социализм), а с неискоренимым и неодолимым «цивилизационным фактором», который как продукт социокультурной эволюции, безусловно, более фундаментален, нежели сам Модерн, являясь его неотъемлемой, по меньшей мере, неискоренимой составляющей. Проблемы, лавинообразно нарастающие с обострением текущего кризиса и во многом обусловленные именно попытками преодолеть (или даже более решительно – проигнорировать) ограничения (эволюционные пределы), которые «цивилизационная специфика» ставит экспансии универсализма, приносят неопределенность в перспективы собственно Модерна. При этом культурно-цивилизационный фактор все более активно и недвусмысленно рассматривается как непосредственно формирующий будущее «незавершенного проекта современности». Критически анализируя модель *multiple modernity's* Ш.Эйзенштадта⁷⁷, В.С.Мартьянов отмечает: «...Модерн по Эйзенштадту не отменяет предшествующие ему исторические цивилизации, наоборот, цивилизации становятся модерными, не утрачивая своих непреодолимых культурных различий. ...Констатация 'множества современностей', явно коррелирующая у Эйзенштадта с множеством цивилизаций, провоцирует постановку проблемы соотношения в политической современности Модерна нормы и ненормы. И эта дилемма закономерно разрешается путем имплицитного отождествления западной цивилизации с современностью, а все остальные цивилизации (альтернативные 'множественные современности') характеризуются культурными чертами предсовременности, даже гипотетически не способной к выработке политических идеалов в условиях Модерна. И право на уникальный цивилизационный дискурс оборачивается правом не быть современным, что означает не претендовать на универсальность политического законодательства в области целей для всего человечества, когда культурные различия ставятся

⁷⁵ См. напр. Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза. // Полис, 2012, № 6. С. 27-29.

⁷⁶ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008. С. 138.

⁷⁷ Eisenstadt S. Multiple modernities. // Daedalus, 2000, Vol. 129, Issue 1.

выше единства людей как рода».⁷⁸ Последний аргумент – из разряда антропологических, и даже, по сути, биологических, что побуждает усомниться в безупречности предложенного критического анализа. Думается, говорить об опасности «свертывания ценностного проекта Модерна в пользу теории цивилизаций»⁷⁹, – означает серьезно упрощать проблему. Скорее суть дела заключается в раскрывающихся в развитии фундаментальных противоречиях универсальной цивилизации (и современного мира в целом), имманентных ее генезису, ее природе, ее перспективам. Обратим внимание по меньшей мере на два из них.

Первое: принципиально различные цивилизации интегрируются в рамках целостности глобального капитализма, не допускающей какой-либо сущностной дихотомии. Более того, эта целостность эффективно имитирует черты цивилизации, ей присущи собственные ценности, собственные идеалы, собственная миссия, редуцированные, правда, до рационального, инструментально бессодержательного симулакра (что ярко проявилось в постмодернистском дискурсе: ценности Модерна предстали в его рамках сущностно опустошенными, релятивистскими⁸⁰). В свою очередь интегрированные капитализмом цивилизации становятся для него постоянным источником все новых и новых вызовов, генерируя собственные версии Модерна (версии парадоксальной «частичной универсальности»).

Второе противоречие обусловлено «темпоральной двойственностью» Модерна, конфликтом тенденций синхронии и диахронии в его глобальном развитии. Это противоречие также позволяет нам детализировать «сложное устройство» универсальной цивилизации. Вплоть до настоящего времени, и все более отчетливо, в ней присутствуют, соприкасаясь, но не смешиваясь полностью, два потока развития: представленный Западом и формируемый незападными регионами глобального мира. С первым связана преимущественно тенденция диахронии, выражающаяся в генерации – на протяжении всех последних столетий – именно Западом всех (почти без исключения) инноваций в экономической, политической и социокультурной сферах. Со вторым – тенденция синхронии, проявляющаяся в продвижении различных «цивилизационных анклавов» планеты по пути модернизации своими в существенной мере самобытными путями. Свойственное прежде западноцентричному подходу стремление «не принимать во внимание» такого рода «подробности», в последние десятилетия сходит на нет. «Культура имеет значение».

Намеченные противоречия принципиально значимы для анализа перспектив Модерна и тех опасностей, которые подстерегают мир капитализма в будущем. Вариации модерна – предстают всякий раз уникальным «историческим компромиссом» между универсалиями капитализма с его императивами коммерциализации и «самовозрастания», с одной стороны, и

⁷⁸ Мартыанов В.С. Один Модерн или «множество»? // Полис, 2010, № 6. С. 44, 49.

⁷⁹ Там же. С. 42.

⁸⁰ «Постсовременная» тенденция к упразднению ценностных различий параллельно маркирует как процессы разложения социальных связей, атомизации общества, потери индивидом органического единства с подчиняющим его общественным порядком, так и прогрессирующий упадок способности рефлексизирующего субъекта к анализу (т.е. дифференциации и расчленению эмпирических целостностей окружающего), к типологизации и понятийной реконструкции социальной реальности.

ценностно-культурной самобытностью воспринимающего его общества, – с другой. Вместе с тем, унифицируя общественную среду, капитализм лишает себя необходимых ресурсов роста. Истощается не только ценностно-нормативное многообразие общественной жизни, но и сама субстанция общества. Сегодняшний западноевропейский кризис задолженности (когда общество выступает должником глобальной банковской корпорации кредиторов) как никакой иной выпукло демонстрирует эту новую глобальную тенденцию. Тенденцию к автономизации «капиталистического ядра», коим и является сфера мировых финансов (в ней, собственно, рождается и распределяется весь так называемый «мировой доход»), – от все более докучливого и все более бессильного общества, добровольно лишившего себя субъектных позиций в сфере капиталистического обращения.⁸¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС ПРОЕКТА МОДЕРНИТИ: ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

...Если не сломаны традиционные структуры прав и не создано гражданское общество, макроэкономический рост для многих людей мало что значит, как бы ни радовала Международный валютный фонд глобальная статистика...

Р.Дарендорф.

«Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы»

...Мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически все, что бы мы ни делали. Плохо это или хорошо, нас затапливают в рамки глобального порядка, суть которого никто по-настоящему не понимает, но воздействие ощущает на себе каждый...

Э.Гидденс.

«Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь»

Одна из возможных интерпретаций существа тех социальных (в широком смысле) изменений, которые характеризуют глобализацию в последние два десятилетия, состоит в том, что именно в этот период модернизация становится универсальным императивом, обращенным ко всякому сообществу нашего сегодняшнего мира и предполагающим сопряжение практик *унификации* и *диверсификации* в единой модели развития. В этом внешне парадоксальном сочетании отражается сущностная амбивалентности трендов современной эпохи, радикально преобразующей все без исключения институциональные и поведенческие структуры традиционного мироустройства. Практика *унификации* разлагает «старые» социокультурные и институциональные скрепы общества, тогда как путем *диверсификации* на «расчищенном поле» формируются всепроникающие культурная и институциональная среды нового глобального сообщества. Более того, отображенный этой формулой рецепт *понууждения к интенсификации развития* в рамках *универсальных форматов* хорошо известен и ясно указывает на «движущую силу» соответствующих процессов.

⁸¹ Напомним, что в эпоху «Великой депрессии» 1930-х годов именно сохраняющиеся у общества (в лице политической власти) возможности контроля и ограничения свободы банковских операций позволили президенту Ф.Рузвельту сформировать и реализовать эффективную стратегию выхода США из экономического кризиса.

Функциональная дифференциация и специализация в этих жестко регламентированных рамках – это то, что в качестве непреложного требования («платы за вход») повсеместно устанавливает капиталистический *мировой рынок* в ходе своей неукротимой глобальной экспансии. Любое сообщество, претендующее на место в формируемом им *пространстве общения*, – страна, нация, транснациональные бизнес-структуры, племенная или «флэш-мобильная» группа – равным образом принуждено заниматься своим продвижением на этот всеобъемлющий рынок, включая и те его специализированные «финансовые площадки», где аккумулируются и дистрибутируются важнейшие ресурсы современного развития – кредитные деньги.

Наиболее острой в ряду приоритетных проблем самоизменения, императивно вмененного всем этим (в том числе и сохраняющим вполне «традиционные» черты) сообществам, оказывается не столько даже поиск и мобилизация необходимых ресурсов развития (что было приоритетом в эпоху индустриализма), сколько определение его (развития) направления, целей и принципов. Иными словами – проблема определения собственных эволюционных перспектив. Прежде упрощенная задача – выбор из «стандартного пакета» вариантов развития – сегодня, в эпоху глобализации, принципиально усложняется ввиду ставшей очевидной неэффективности готовых решений и «классических» моделей. Каждое претендующее хотя бы на частичную автономию сообщество вынуждено подтверждать свои претензии движением по уникальной, оптимально подогнанной «под себя» траектории самоизменения в изменчивой и «множественной» современности.

Ставки сегодня как никогда высоки. Сообщества, «уклоняющиеся» от вмененной им задачи интенсивного самоизменения, реально рискуют необратимо растерять накопленные прежде ресурсы социокультурной консолидации, утратить идентификационную привлекательность для составляющих их индивидов, бесследно раствориться в потоке глобальных перемен. Парадоксальным образом, неизменность, постоянство, верность традициям обрекает любую социальную структуру на онтологическое поражение, тогда как лишь стремительная и непрерывная адаптация к изменчивым требованиям современности дает ей шанс на сохранение собственной субъектности, шанс на выживание.

Особенно чувствительные проблемы в современном мире создает кризис модели национального государства, проявляющийся остро – хотя и по-разному – как в странах «мировой периферии», многие из которых длительное время и с разным успехом пытались адаптировать модель нации-государства к собственной цивилизационной и социокультурной природе, так и на «благополучном Западе».

В странах «мировой периферии», которым, по большей части, модель «национального государства» была в свое время по сути навязана Западом⁸², ее нынешний кризис проявляется прежде всего в их прогрессирующей

⁸² Речь идет о последовательно продвигавшемся Западом проекте формирования континуума национально-территориальных государств, в совокупности полностью покрывающего всю поверхность земной суши и образующего современную международную систему. Ограничиваясь XX веком, можно отметить три волны этого процесса: 1) государственное обустройство территорий распавшейся Османской империи в период Первой мировой войны и сразу после нее; 2) формирование независимых государств в ходе деколонизации в первые десятилетия после Второй мировой войны; 3) формирование независимых государств в процессе распада СССР.

государственной несостоятельности⁸³, неэффективности противостояния современным вызовам и контроля процессов, происходящих в обществе, противодействия сепаратистским угрозам и обеспечения общенациональной интеграции. Иными словами, многие из этих стран оказываются в *принципе* не способными решить ключевую в рамках модели национально-территориального государства задачу формирования политической нации⁸⁴, что в ряде случаев (как, например, в Ираке или Сирии) создает угрозу прерывания уже почти векового тренда национального строительства. При этом усиление «демократического натиска» Запада, его стремление навязать тем или иным странам «правильную государственность» в последние десятилетия и годы становится прямо контрпродуктивным по своим последствиям: достаточно привести примеры Сомали, Судана, Эфиопии, Ирака, Ливии, Афганистана. Их перечень, по-видимому, будет расширяться...

При этом реакция Запада на кризис современного государства в этих странах все в большей степени приобретает характер дисциплинирующих полицейских операций. Практике начала военных действий «по моральным соображениям» и в формате «гуманитарных интервенций» в свое время было дано обескураживающее своим цинизмом «научное» обоснование: «в анархическом гоббсианском мире, ...нельзя полагаться на нормы международного права..., ...истинные безопасность, оборона и распространение либерального порядка зависят, как и раньше, ...от обладания и применения военной мощи...».⁸⁵ Прямой результат такой политики – разрушение государственных машин в странах, ставших объектом такого дисциплинирования, пополнение ими категории «несостоявшихся государств».

Для стран Запада проявления этого кризиса не менее радикальны. Перемены затрагивают самую суть интеграции национальных сообществ и формируемых ими национально-территориальных государств. Традиционные представления о национальном государстве и демократии проблематизируются. Направления перемен маркируют самые ключевые, «горячие» проблемы изучения современной политики. Это и кризис идеалтипической модели *nation-state*, сопряженный – в прежде наиболее благополучных странах – с фактическим пересмотром основ государственной социальной политики. Это и проблемы

⁸³ Если воспользоваться универсальной типологией государств, разрабатываемой М.В.Ильиным (Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука, 2008, № 4. С. 17), значительная часть таких государств, наделенных в свое время соответствующей *статусностью* (*statehood*), как принадлежностью к сообществу государств-состояний, так и не смогла обрести *состоятельность* (*stateness*), т.е. внутреннее соответствие природе государства-состояния (см. также Colomer J.V. Great empire, small nations: The uncertain future of the sovereign state. L.; N.Y.: Routledge. 2007).

⁸⁴ В целом обозначенный комплекс проблем фиксируется в понятии «несостоявшихся государств» («*failed states*»), число которых в последние годы стремительно возрастает. В отечественной политической науке интерес к этому феномену пока что явно недостаточен. Из относительно недавних работ см., например: Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. // Полис, 2010, № 3; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // Полис, 2012, № 2.

⁸⁵ Кейган Р. Сила и слабость. // Pro et Contra, 2002, т. 7, № 4. С. 127. См. также: Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: Дом интеллектуальной книги; РОССПЭН. 2004.

национальной (гражданской) идентичности, связанные с размыванием ее традиционного статуса в иерархии идентификационных ориентиров современного глобального мира. Это и реконцептуализация растущего многообразия новых субъектов глобальной политики, новых политических практик и техник целедостижения, в ряду которых статусные позиции классического национально-территориального государства представляются далеко не доминирующими, а его возможности ресурсной мобилизации и эффективного контроля социальных процессов – подверженными существенной эрозии. Это и пресловутый кризис современного капитализма, непредвиденный и «невозможный» в логике теоретического мейнстрима. Это, наконец, анализ тенденции «постмодерной» минимизации государственного присутствия в частной жизни, делегирования все большей части, казалось бы, неотъемлемых государственных функций поддержания нормативного порядка различным специально создающимся для этого надгосударственным структурам. Последняя тенденция, разумеется, наиболее характерна для государств-членов ЕС, однако усилия последних лет по созданию органов глобального нормативного регулирования в сферах финансов, безопасности, экологии, энергетики и т.п., предпринимаемые по преимуществу именно странами «благополучного Запада», свидетельствуют о ее колоссальном потенциале, беспрецедентной динамике, а также о глобальных, универсалистских претензиях олицетворяющих ее политических акторов. Текущий финансово-экономический кризис заметно ускоряет эти процессы, подрывая потенциал суверенного контроля национально-территориальных государств и актуализируя новые возможности универсалистской интеграции⁸⁶.

В числе политических новаций, обозначившихся уже в ходе текущего глобального финансово-экономического кризиса отметим две. Во-первых, представители современной космополитической финансовой элиты фактически получили в Европе прямой доступ к управлению некоторыми национальными государствами. Похоже, «материализуются» прежде по большей части спекулятивные рассуждения о формировании «мирового правительства». А во-вторых, постановка вопроса о самоидентификации верхнего слоя глобальной финансовой элиты обнаруживает, что в соответствующей иерархии доминирующее положение все с большей определенностью закрепляется за особой идентичностью, наднациональной и надкорпоративной по содержанию. Специфическая, но чрезвычайно эффективная интеграция этого узкого и во многих отношениях ключевого слоя мировой элиты осуществляется посредством плохо изученного комплекса ценностно-нормативных образцов. Закрытость этого слоя разительно контрастирует с его претензиями уже не только на глобальную экономическую, но и на глобальную политическую власть, на, так сказать, техническое управление и руководство «некомпетентным человечеством», бессильным перед раздирающими его соблазнами и страстями.

Еще одна грань кризиса модели *nation-state* – потоки инокультурной иммиграции в страны Запада. Массовая миграция порождает сегодня парадоксальное сосуществование – в рамках единой политической системы – цивилизационно разнородных сообществ, характеризующихся принципиально различной культурой повседневности и полярными типами присущих им ценностно-нормативных систем и моделей самоидентификации. В результате в

⁸⁶ Наиболее адекватной формой концептуализации такой интеграции является абстракция *мирового рынка*, олицетворяемого, в аспекте, так сказать, технического, структурами глобальной финансовой гегемонии, а в аспекте социокультурном – формирующейся и активно экспансирующей универсальной цивилизацией.

принимающих мигрантов странах – на фоне все более очевидной неэффективности модели интеграции в рамках гражданской нации – растет потребность в интеграции сообществ «поверх» их культурно-цивилизационной идентичности. Потребность в институциональном оформлении этих *новых универсалистских форм идентификации*, способных «переплавить» в единое целое конгломерат сообществ, разнородных по своим культурно-цивилизационным основаниям (подобно тому как, в свое время, политическая рамка *нации* стала пресловутым «плавильным котлом» этноконфессиональных идентичностей). Иными словами, растет потребность в конструировании над-цивилизационных политических интеграционных моделей, именно та, реализовать которую и призван современный капитализм посредством интеграционных структур универсальной цивилизации.

Известная инерционность традиционных политических машин, по-прежнему, с формальной точки зрения доминирующих в пространстве мировой политики, вряд ли способна закамуфлировать существо происходящих перемен. Эта инерционность отчетливо проявляется в риторике большинства политических лидеров (особенно западных), в медлительности их реакций на происходящее, в их все более очевидной неготовности брать на себя риск ответственности за складывающуюся в мире драматическую ситуацию, во многом являющуюся следствием проводимой ими политики. Налицо нарастающие симптомы этого своего рода «управленческого паралича», выдающего растущую неуверенность «капитанов» мировой политики и экономики в работоспособности их традиционных «средств навигации». Вместе с тем, на роль ключевых субъектов мировой политики выдвигаются иные, прежде малозаметные и до настоящего времени не вполне институционализированные политические акторы, использующие новые, нетривиальные практики формирования и достижения своих политических целей. Это свидетельствует, в частности, и о том, что прежние институциональные нормы и практики, прежние конвенции демонстрируют свою всевозрастающую несостоятельность, неадекватность происходящему.

Кризис, тем самым, вновь проявляет себя в качестве инструмента эволюционной трансформации, качественно повышающей адаптационные возможности структур Современности. И множественность конфликтов, и растущая поляризация мира, на которую сориентировано преимущественное внимание большей части западного общества, зачастую интерпретирующиеся как вызовы традиционной парадигме мирового развития, как повод поставить под сомнение глобалистские построения и весь проект Модерна в целом, в конечном счете срабатывают на глобализацию, на дальнейшее продвижение Модерна.

Современное общество – это капиталистическое общество, социальность, необратимо погруженная в капитализм. Иное дело – человек, его перспективы, прежде всего, рассматриваемые в личностном измерении. Безусловно, первичная социализация все большего числа людей на Земле проходит именно в этом обществе. Не случайно в тех современных сферах занятости, где особо важны качества креативности (в администрировании крупных корпораций, в науке и разработке новых технологий, в сферах информации, рекламы, современного искусства), столь велик интерес к кадровому пополнению из стран «третьего мира», в людях, прошедших социализацию в иных общественных условиях, взращенных иной культурой. Тем не менее, перспективы личности в современных условиях драматичны.

Либерально-демократические идеи, лежащие в основе глобализационного проекта и изначально призванные служить целям глобальной интеграции и универсализации человеческого общения, в реальности все чаще проявляют себя в ином, противоестественном в сравнении со своей изначальной природой качестве. Сегодняшние практики их принудительного продвижения в мире способствуют скорее его дифференциации и разобщению, сегрегации человеческих сообществ, дискредитации идей демократии и права. Они скорее лишь усиливают ощущение грядущей мировой катастрофы, которая может перечеркнуть мечты о *development governance* и гарантированном процветании завтрашнего дня.

Все более отчетливо ощущение того, что в основе всех кризисных трансформаций как глобального порядка, так и базовых условий человеческого существования – проблемы, порождаемые интенсификацией экспансионистских практик «трансплантации Модерна за пределы исторической европейской модели».⁸⁷ Такая «трансплантация» радикально проблематизирует представления о *свободе* и *праве* человеческой личности в современном мире, поскольку решительно и бескомпромиссно разлагает возможности их соотнесения с привычными социокультурными основаниями, а вместе с тем, навязывает индивиду современного общества дисциплину формализованного самоограничения – в свободе, и согласие с узаконенной несправедливостью – в сфере права.

Так, В.Мартьянов, в строгом соответствии с идеологией западноевропейского Модерна отстаивающий *свободу* (в ее столкновении с «местными культурными традициями») как «базовый принцип индивидуальной автономии жизни людей в условиях Модерна», предполагающий «самостоятельное принятие любых решений без оглядки на внешние авторитеты, Бога, традиции и историю...»⁸⁸, быть может, невольно, раскрывает самое существо проблемы. Ведь в данном случае речь идет, словами Фихте, о «пустой свободе», свободе быть тем, кто ты есть, кем ты актуально являешься. Иными словами, свободе быть «социальным автоматом», настроенным на самореализацию в условиях капитализма, в конечном счете, свободе аморализма («бизнес, ничего личного»), т.е. неисправимо испорченного человеческими знаниями и умениями животного. Эта *свобода* сопрягается с прогрессирующим социальным отчуждением. Современный *индивид* зачастую соглашается даже с «освобождением» от естественных для человека различий: гендерных, возрастных, расовых, национальных, культурных и т.п.⁸⁹ А обратной стороной этого добровольного отречения индивида от своего естественного «права на неравенство» оказывается наделение бюрократических структур современного государства функциями верховного уравнивателя, дисциплинирующего *общество индивидов*.

Возможность *свободы* иного рода, – стать тем, кем ты можешь стать, свободы личностной самореализации, представляется все более проблематичной. Парадокс в том, что в личной жизни человек всегда «насильно свободен». «Открытием» своей личной свободы он обязан «духу Модерна», но вопреки вульгарным толкованием «культурной программы Модерна», он «насильно свободен» в любых обществах, и эта «тайна» была раскрыта еще в христианском учении. Проблемой же остается *социальная*

⁸⁷ Мартьянов В.С. Один Модерн или «множество»? // Полис, 2010, № 6. С. 46.

⁸⁸ Там же. С. 47.

⁸⁹ См. практики политкорректности, ювенальной юстиции, вытеснения из публичного пространства признаков конфессиональной принадлежности и т.п.

свобода, свобода человека в обществе. Претензии Модерна на ее решение по мере достижения им все более зрелых стадий выглядят имеющими все меньше шансов на реализацию.

Текущие процессы все более отчетливо проявляют ранее скрытые «лики Модерна». Все более обостряющимся и не получающим разрешения становится конфликт прав личности (социального индивида), общества и экономических агентов рынка (частных собственников), наиболее болезненно проявляющийся в «...различии между доступом, который люди имеют к вещам, и наличием вещей, способных удовлетворить их желаниям...».⁹⁰ Коллизии, сопряженные с этим конфликтом в современном обществе, Ральф Дарендорф анализирует, опираясь на исследования Амартья Сена.⁹¹ Дарендорф пишет: «права составляют такое отношение между лицами и товарами, с помощью которого 'легитимируются' доступ к товарам и контроль над ними. Права предоставляют людям возможность полномочного притязания на вещи».⁹² Столь пристальный интерес к *праву* получения, посредством *товарного обмена, доступа* к жизненно необходимым человеку *вещам*, более чем оправдан, поскольку в этом вопросе налицо конфликт *права собственности и права личности*, оборачивающийся порою массовым голодом и человеческими жертвами, вызываемыми «не столько отсутствием продовольствия, сколько наличием социальных барьеров».⁹³ Понятие прав «концентрируется на способности людей контролировать [товары] с помощью наличествующих в обществе легальных средств'. Эта способность – не чисто индивидуальная, она сама структурирована социально. ...Права не являются ни благом, ни злом – это социально определенное средство доступа. Их можно назвать входными билетами...».⁹⁴ К категории прав Дарендорф относит не только право доступа к вещам, но и гражданские права, и право доступа к рынкам, право на получение реальной заработной платы, право на образование, избирательное право, наконец. «...Входные билеты открывают двери, но для тех, у кого их нет, двери остаются закрыты. В этом смысле права устанавливают границы и воздвигают барьеры».⁹⁵ «В любом случае такие понятия, как 'товары' или даже 'блага', очевидно недостаточны, когда речь идет обо всем спектре материальных и нематериальных возможностей выбора, открываемых правами. Для обозначения этих возможностей выбора я буду использовать понятие 'обеспечение прав'... *Партии обеспечения и партии прав* – политика экономического роста и политика гражданских прав – ведут друг с другом борьбу вплоть до сегодняшнего дня...»⁹⁶ Это, собственно и есть один из ключевых, «извечных» конфликтов общества Модерна – между совокупностью формальных прав и

⁹⁰ Ральф Дарендорф. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН. 2002. С. 19. См. также: Ralf Dahrendorf. Der Moderne Soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit. 1994. Berlin: Deutscher Taschenbuch Verlag.

⁹¹ Sen A. Poverty and Famines. Oxford: Clarendon Press. 1981.

⁹² Ральф Дарендорф. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002, С. 21.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, с. 22-23. Понятно, что речь идет о *доступе* («входных билетах») в общество, в сетевые структуры социальных взаимодействий, обеспечивающих жизнедеятельность индивида и воспроизводство самое общества.

⁹⁵ Там же. С. 24.

⁹⁶ Там же. С. 25.

наличием их обеспечения (о нем, как о конфликте между стремлением к свободе и стремлением к равенству, писал еще Алексис де Токвиль). Вместе с тем, современное развитие все более требовательно и недвусмысленно ориентирует внимание общества на присущие ему и неискоренимо воспроизводящиеся в его практиках фундаментальные проблемные противоречия: права, предполагающего бесправие других (закрытый для них доступ в мир открываемых рынком возможностей); свободы – допускающей посягательство на естественные права других; справедливости – рассматриваемой как архаический пережиток, утрачивающий, даже в сфере собственно права, всякую актуальность ввиду императивов эффективности и конкурентоспособности.

Старые вопросы возвращаются (на новом витке?).

Многое из, казалось бы, окончательно установленного, придется пересматривать и переоткрывать заново. Это тем более актуально для сегодняшней России, которая одновременно решает и проблемы полноценного освоения пространства Современности, и проблемы переосмысления первоначально усвоенных поверхностных представлений о существовании этого по-прежнему «нового» для нее социального мира.

«Незавершенный проект Модерна» продолжается...